

18+ Михаил Гюбрис

Избранное

Поэзия

Драматургия

Максимилиан Гюбрис

Избранное. Поэзия. Драматургия

«Издательские решения»

Гюбрис М.

Избранное. Поэзия. Драматургия / М. Гюбрис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830877-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга не банальна, чувственна и загадочна; эксклюзивна... В ряду воплощённых автором многих художественных образов — редкие, доселе не адаптированные в России, предметы Европейского божественного света; в истории поэзии и совр. культуры, «великие прецеденты» тёмного романтизма, сюрра и постмодернизма. В сей год 90-летия первого сюрреалистического киносценария А. Арто, драма «Морская Раковина и Духовник», сочинённая по его мотивам, предстаёт здесь венцом поэтических и драматургических изысканий автора. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-830877-2

© Гюбрис М.

© Издательские решения

Содержание

Адвертисмент	7
Поэзия разных лет	8
Малый Поэзиум	9
Вечность	9
В паузе	9
В театре звука Сати	10
Колдовство Грусти	10
Белейшее АМО2	11
На смерть Зимней Бабочки в остывающем Доме	11
Розовое в Голубом	12
Страсти по Созиданию	13
Крест Моцарта	14
Из Сожаления	15
Тёмные Воды	15
Эклипс8	16
Завещание Поэту	17
Когда окончилась Война	19
Стремление к Звёздам	20
Чаадаевский Плач15	22
Ангел Западных Крыл	23
Театр	24
Видение Ада Цепей	25
Гимн сезонно-мечтанных Смен	26
Слова, красивые слова...	26
Министрант	27
Столь неиспорченные женщины...	28
Крепостная Графиня	28
Безызвинительное	30
Страсти по Вертеру	30
Памфалон	31
В Песнях Света Иманта Раменьша24	32
Сонет к Матери	33
К 450-летию Шейкспира	33
Клятва Гиппократы	34
Похороны Войны	37
Жизнь – дивное смешение	38
Кукушка и Соловей	39
Рог Астольфа	40
Синь Небес Метерлинка	40
Осенний Этюд	42
Воссоздание Христа	42
Чернь	43
Я слышал Гимн	44
Сожаление, по Шатобриану	45
Апология Сотворения Человека, и его оправдание	45
В тайнах Божественной Комедии, или 750 лет света Данте	46

Когда научимся мы сны творить	47
Нагорный Кельт	48
Стираются в пыль города	49
На заклятие жертвенных животных	50
Нечто в тонах Ходасевича	50
Из Цикла «Адская Поэма Пушкина, или Acte de Foi» ⁵¹	51
Из Сборника «English Verses» ⁵⁶	53
Child of Human Ages	53
The Magnetism of Poesy	53
On the theme philosophical, me-called the Funeral of War ⁵⁷	54
The Red Wood	59
Nike and Her Head	60
The Meditative	61
If Poetry was Music	61
On the new date in the World Poetic Calendar, which happened to be called The Negative Capability Day	62
The Truth of Shelley's Ghost	63
Сердце Поэта	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Избранное. Поэзия. Драматургия

Максимилиан Гюбрис

Иллюстратор Максимилиан Гюбрис

© Максимилиан Гюбрис, 2023

© Максимилиан Гюбрис, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4483-0877-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Адвертисмент

Книга сия, состоящая из нескольких тематических разделов, представляет собой первую эксклюзивную подборку поэтических и драматических произведений автора, находящего теперь, после пятнадцати лет самопроизвольно-предпочитаемого молчания в официальной литературной среде, необходимость, отныне, препоручения продуктов собственного творчества заслуженной и небездарной публичной дистрибьюции.

Наравне с произведениями, написанными на Русском, в сборник включен, также, ряд Английских коротких стихов и фрагментов, среди которых, к скромной чести автора, литературно-примечательные посвящения к особым ново-календарным датам и темам, и, также, поэтические философизмы. К сему, в разделе Дополнений, помещены авторские построчно-адаптированные Русские переводы, с надлежащими, к тому, пояснениями.

Отличительность сей книги – её разножанровость; последующие разделы включают в себя произведения крупных форм, в ряду коих: «Сердце Поэта» – романтическая поэма в свете истории погребения сердца П.Б.Шелли, в своём роде, гимн поэтической дружбе; сюрреалистическая драма «Морская Раковина и Духовник», по мотивам легендарного киносценария А. Арто; и пост-модернистическая оригинальная пьеса «Gloomy Sunday», выражающая в себе одну из основных дилемм в чувственной жизни творца искусства.

К сему: если драматическая импликация символических образов Арто произвелась, здесь, в большей степени, в предмет классического смысла, характера и действия, что вполне бы могло адвокатиловать ту, и доселе, нередко кажущуюся абсурдной, амбицию самого поэта Арто, в претензии того на место во всемирной классике драматического жанра; и если, в сим случае, это потребовало некоей сюжетной версификации в пользу более эстетического метода (что, возможно, подверглось бы осуждению самим мастером Театра Жестокости); то, в случае пьесы, автор, совершенно обратно популярной, на сегодня, идеализации истории и линии судьбы характеров, предпочёл изобразить момент данной биографии героя в свете, не приукрашенном, в свете *чистого события* и, наперво известных фактов трагического исхода, и только это послужило источником представления о композиционных путях инверсии обыгрываемых чувств. (Так, даже Дьявол-Тофель, действующим лицом введенный в пьесу, вплоть до самого финала, не представляет из себя ничего дьявольского в его собственном образе, ибо ему не присуща никакая иная природа, помимо внезапного, феноменального визитёра.)

В отношении ж общей стилистики оформления текстового материала, по предполагаемому недоумению читателя в соблюдении тут правил Русской письменности и издательского такта, автор заблаговременно отправляет того заглянуть в раздел Дополнений, к грамматическому письму «Мёртвый Маленький я или Высоты Русской Строки», каковое интродуктивно поместить в начале книги автор не решился, единственно, лишь во избежание педагогического тона в начале сборника.

Во всемирной истории Русской литературы и книгоиздания, это уже вторая книга сего автора, где находят место все *Принципиальные Озаглавливания*, по его мнению, необходимые для поднятия авторитета Русского языка и, в нём, Самоутверждённого Собственного Смысла.

Автор.

Поэзия разных лет

Малый Поэзиум Сборник коротких произведений

Вечность

...Вечность темна и неясна,
Но вот, возникает в ночи свет звёзд,
Преисполненных неги страстной,
Возымевших от Зеркала
От глаз человеческих,
Любящих,
Ласковых
Судеб...

(Из уничтоженной поэмы 1994 г.)

В паузе

Когда падает вся наша слепая тоска
В бездну случайных мгновений, —
В стороне от привычных реприз судьбы или зеркала
Найдётся кружащей памяти след;
Эхом сполна не постигнутой, —
Потому не отторженной
И кротко смеющейся чрез прошлого плач, —
Безобъяснительной нежности
Встречаема временем скраденная фраза
О нелепом конце одной из божественных шуток,
Иль постылых трагедий,
Иль ко вкусу банальных фрагментов
Не пришедшихся, неуместных ролей.

Подспудная правда в том – видно, лишь
Преходящая несостоятельность слова
В комедии растрат чувственных,
Аль, тёмного смысла исполненных, иных сожалений,
Аль слёз...
Остаётся, пожалуй...
Беспричинно лишь наследовать Паузу, —
Где Легчайшее паузы
Плещется в свете, неумолимо и всегда,
Враз застигнуть готовых,
Ненадежных метаморфоз...

(Декабрь 2002; Лондон)

В театре звука Сати

Времени непомерность,... и...
В стремлении пространного шёпота,
Колышется ныне переплеск лишь клавишной грусти —
Этакая степень утраты, быть может, собственных фраз,
Сошедших к глубинным началам
На сегодня обличаемых тайн:
В театре звука Сати¹,
Сцену долгих ночей обнажая,
Подъят уж занавес; —
Плачет, чрез танец играя,
Немая фатальность
В сей час...

(2003 год; Лондон)

Колдовство Грусти

О, страсти образо-рождения в шаре:
Огонь лунной сферы;
Мыслей черты во трепете теней, в оглядствах часа:
След немых художеств;
Все-призрачность, ко знаку места, вспоминаемых сродств:
Иссохшее плодово древо;
Намёк о предначале жертвоприношенья скорби, в первом:
Свет ночных свечных таинств;

В даль – пере-представление, сторонне телу, —
Проблески забыта мира;
Признание, стремимо в одиночества пеансах, —
Жизнь изолганной правды;
Глубь-проклинание о мерах мер и бреднях, —
Сердце в крыльях ночи;
Искус о новом Дне и об освобожденьи вечном,
Чудовище пред Детством на коленях.

*(Июль 2006;
Дача в Зимняке, под Серг. Посадам)*

¹ Эрик Сати (17.05.1866 – 01.07.1925), Erik Alfred Leslie Satie, Французский композитор-модернист, один из ярких представителей авант-гарда нач. 20 века; провозвестник прогрессивных жанров минимализма, сюрреализма и театра абсурда.

Белейшее АМО²

Это белесое солнце...
В час снежный напомним мне, сколь настроению туч
Подвластен забывшийся.

Этот туман во глазах,
В едва желтоватых расплывах, карандашных дерев
Что сокрыл берега, —
Далью сгустившийся день.

Гирлянды немых снегирей,
Как сонм кардиналов, под лай неприкаянной суки вдали.
Художник Небес,
Не нарочно ль ошибся в выборе тонов совестей? —
Ты —
Восходящий на холмы небес,
Это твоё манное, твоё пасторальное АМО,
Это белесое солнце...

Ошибись ещё раз, Художник, в выборе средств, —
Ты напомним мне,
Сквозь полуденну времени рваность,
Это, как если бы, помутненного Ангела
Заново
Стремление в Светлость.

*(Февраль 2008;
Дача в Зимняке, под Серг. Посадам)*

На смерть Зимней Бабочки в остывающем Доме

Ты непременно умрёшь,
Ты уже умираешь;
Боязливая нежность твоя, не знаешь,
Не вкусит пряность тёплых ветров.

Небесного рая не видишь,
В землях очей не сомкнёшь;
И летаешь, знамений и жалоб не зная, и ждёшь
Погибая, совершенную в мире любовь.

Зимний дождь умяет,
В хладе играет чувство тоски; —

² Амо – в переводе с Латинского означает «любить».

Ах, прости, милый Принц тебя не узнает
В сонном коконе жизнь не прельстит.

Слишком ранне создание,
Дом пустой не сохранит грёзы души;
Куколкой твоя память не станет
В сожаленной грусти злата вершин;

Ты теперь умираешь,
Обречённо создание, умрёшь;
В часах, счастьем обманута, слепо витаешь, —
После ж,
Амбиентно,
В непрожитый завтрашний день упадёшь.

Лёгкая трепетность на холодном стекле;
Глядя вслед змеистой тропе,
Будто б вновь в мёртвую осень,
Ты засыпаешь.

*(01 марта 2008,
Сергиев Посад – Москва, в пути)*

Розовое в Голубом

Такой красивый закат.
Небо розовое и голубое,
Как одно из настроений любви;
Розовый чёлн бриллиантовых снов.

Розовый бог, в голубом, розовый мир.
Влекущий берег в арабесках небес;
Лучисто мерцающий бриз и

Розово-ласковый бред.

Такой красивый исход.
В волнах ожидания сумерек —
Голубой, по воде точно, голубой бег.
Играющий в звон розовый воздух,
Как небесно плывущий ребёнок,
Сокрывший свой смех.

Розовый миф, голубой жажды миг, берег...
Розовый свет в глазах, поющих цветы.
Какой красивый, – цвета Голубой, может, Розы, —
Будет однажды День,
В котором вновь Я, и есть ты.

Я... голубое в розовом... Ты там...

(Сентябрь 2009; Москва)

Страсти по Созиданию

Зачем Я так хочу писать?
Стать боле полнозвучным для себя?
Я ли хочу сказать себе всё то,
Чего не ведали мои глаза,
Чего твои глаза знать были неспособны?
Прежде? В Прошлом?... Завтра?

Я ли пишу Тебя?
Тебя – всё То, чего столь этак не хватает мне во днях; —
Ты состоишь из недосказанных ещё слов,
Их вздохов,
И их красок...

Ты обещаешь мне влюблённые глаза друзей?
Ты даришь мне шанс обладания своим преображением...
Я – жизнь иль маска слов в Тебе?
Любовь в Тебе?
Здесь, на земле? На небе?

Я ли дышу, влеку иль изгоняю?
Печаль или чарующ свет?
Знаменья и созвездия в душе ответной,
И вереницы бриллиантово-прекрасных лет,
Аль лет, – во станце скорбей, – незабытых,
Драматически-заветных,
В коих, всё ж —
Твоя улыбка...

Я – Твой?..
Я – Кто, в секундах зыбких сих?
Я источаю боль аль смех собою?
Я порождаю... Всё? – Всех женщин, гениев, героев,
Всяк непрощённый или искупленный грех,
И... всяко чувство в Тех, отдам сердцам чудовищ и изгоев,
Кто искусится
И поступится Тобою вслед?

Я созидаю Бога...
Я созидаю Жизнь аль, снова, Смерть?

(02.02.2010; Москва)

Крест Моцарта

*/Для Г. Потоцкого, по поводу создания им
памятника Моцарту в Австрии/*

...И говорить ещё им впредь о ранах и о смехе...
Вновь предлагать дешёвый яд³, и снобствовать, и сеять лесть; —
И, в моде дней, не верить, в час напрасной их потехи, —
Им не верить в то, что аж и в малой боли гения, Есть...
Злато⁴.

Сонм Стерв. Контральто. Скрипки, косовато.⁵
«Смех и грех. Крест. —
И, в повтореньях такта, —
Смех и Крест.
Смейся, смейся, Крест!»

...И возвращать ему, по долгу вечности, залог науки:
И цену яда опускать их до морали блудных сук;
Хватать за лисий хвост⁶, и нос выделявать, на муки
Обрекая круг их, делая шутами грёз и своего вдруг...
Злата.

³ «Не хотите ли табачку?» – так, в обидной форме, некто 2-н Лангенмантель, раз, позволял себе отпускать ипильки в адрес Моцарта, тем самым, указывая, будто, на низшее положение пред собой этого гения.

⁴ «Он ведь не из золота, а из меди» – так обидчик нарочито пошло говорил о золотом кресте Моцарта, издеваясь, что может купить такое, и, тем самым, особенно оскорбляя кавалера Ордена золотой Шпоры.

⁵ «Если б я мог отучиться от этого проклятого писания наискось!» (отцу в Зальцбург, Мангейм, 18 дек. 1777). – Замечательное пособие для образованных моцартозиторов, если тем представлять саму дилемму такого рода и её нотную анатомию, и то ещё, как бы мог Моцарт, в натуральности своей, научаясь тому и более, музыкально т. ск. «отучаться».

⁶ «Она – мой друг, значит, и Я тоже... Ибо она – та, у кого в заднице торчит лисий хвост, а на ухе висит острая цепочка от часов, на пальце же – красивый перстень; Я это сам видел, да порази меня смерть, если Я вру, несчастный Я человек без носа.» (Отцу в З., Мюнхен, 13 ноября 1780). – Этот несравненный пример освобождения Поэзии из-под её гнётов, также, написан наподобие акро-стиха, где в определённых словах читаются только первые буквы, в сумме дающие слово «фаворитка»; – мне бы хотелось знать, в какой музыкальной текстуре, в уме, ему писались эти строчки.

Вступает Дух. Страх Стерв. Viva moderate.⁷
«Смех и месть. Крест. —
И в скоростъ, в повторенье такта, —
Смех и Крест.
Смейся, смейся Крест!»

...И нотах воспарять, игр торжествуя все-продленность,
И музыке нестись, точь будь под шпорой лунному коню,
И Кавалеру юности и сердца, там, златом одарить Вселенную...

(02.09.2010 – 07.09.2010;
Дача под С. Посадам)

Из Сожаления

Вернись, вернись ко мне, из той Мечты,
Какую погубил напрасный старый День
И злое там... Вернись, мой богоравный Смех.

Явись, явись мне, через хлад ночей,
Что был создан средою Страха там
И ложью снов... Явись, мой все-свободный Мир.

Проснись, О, великолепе дивных глаз;
Прими сию Печаль;
Пребуди со мной, О сокровенна Даль Любви,
Узнай свою здесь Тень.

(16.09.2010; Москва)

Тёмные Воды

Там Древо и Луна его, Свет их обоих в ветвях...
Других там пути: путь Реки и синей, в ней, Тени;
И птичий шёпот... о них;

Маленькой рыбки, летящей, нежен сколь поцелуй;
Поверхностью вод отражённый изгиб милого тела,
Мгновение вод – игрою маленьких губ...

Мысль по воде...
Грустящий матовый берег в редком тумане звёзд; —
В контуре Ночи всплывает серебристая Тема
Другое отражение здесь.

⁷ Viva moderate – Я подчёркиваю здесь этим усиление темы, торжественность муз. тактов, (произвольное мини-либретто к каковым Я успел сочинить в пространстве и во времени этого стиха), а, также, на поэт.-музыкальном, свойски-игровом языке, Я указываю читателю на момент изменения темпа в рост.

В октавности волн, стороною небес покачнувшись,
В Завтра уходит река;
В прошлое звёзд...
Позже, наверное, снова кто-то умрёт здесь,
В стихах.

*(27.09.2010 – 03.10.2010
Дача, Сергиев Посад)*

Эклипс⁸

Иное существо, Принц не помышленных Часов,
Бог *и*стемна натур из-под плаща,
Из мысли, скраденной по свету Смерти,
Мыслью станет Света.

По гласу Ново-коронованного, в Час Палача,
Исходит новая печаль...
Там Смех.

Там Око... Любовью слеplенная Тень
Раздваивается по углам великого пространства;
Фантазм и Тризна правят тайным государством;
На Землю кособоко снизойдут слепые Небеса.

Глазами хищных птиц,
Над трупом мертвеца —
Мир звёзд.
Не слеplенное хлебом, там пребудет хлебом,
Как предание.

⁸ Сия поэтическая кармина была инспирирована явлением затмения 2010 г.

Там голосами хладных лиц,
Над кладом изо льда – страх слёз;
И многие уйдут...
И будет жить другое осознание.⁹

(22.12.2010 – 27.12.2010; Moscow)

Завещание Поэту

*(В мыслях об Освобождённом
Прометее в Искусстве¹⁰
Истинной Поэзии Будущего
Посвящается...)*

...В Тебе потом —
Всё то, чему вдруг никогда не прослыть Нелюбовью;
Смирись, улыбайся, люби это снова;
Или только играй...

Ты
Само Совершенство
Не постигнутой жизни в степени Сердца;
Ты
Сама Не-Отторженность в степени Свободы Конца;
Последнее Знание;

Грёзы желаний, не утрашённые явью;
Цветов и пространств их далёкая тайна;
Гласа – в призраках судеб и дней – начинанье;
Одушевлённые движением в тебе небеса; —
Первое Чувство.

В тебе – почитание,
В тебе
То, чем после назовётся искусство,
Которого восхищенны глаза ещё не видали,
Не слышал и слух, не ведал и вкус; —
Не постигнуто мыслью иль осязаньем,
То, чего всё ещё никак не бывает
На свете —

⁹ В другом варианте, сия последняя строка может звучать, как: – "И нужно ль будет им там ваше понимание?"...

¹⁰ Поэма П. Б. Шелли «Прометей Раскованный» до сих пор является для меня образом поэтического благородства и нравственности, и хотя взгляды и вкусы меняются, – как меняется, впрочем, и космогоническое представление наше «о слове, его масштабе и методе», – в сочинении этого произведения, воображение моё невольно относилось той из ассоциаций, в какой мне виделся «Прометеистический» образ Поэта (вновь, как первоучёного и первоэтика, и первоиспытателя) уровня интеллекта, мной непостигнутого, непредвиденного, таковым становящегося из расколотых остатков нашего поэтического знания от сегодня. – В данном моём произведении, художественное своё воплощение нашли некоторые из поэтизированных идей этической концепции арт-фатализма.

Искусство
В Тебе.
После тебя.

Но в том – Ты весь.
Раскаянья обо всех несвершённых признаниях, вместе
С прощанием о наивной прелести здесь,
Навсегда,
Навсегда испытанной.
О пространстве скитанья дней и о солнце,
О времени человеческих теней и о сродстве
С природой, узнанной
По свойству,
Так, и обманному в ней...
Ты – сон и елей,
Свет и Ночь,
Свет и Плач
Живых лет и их весен.

Меланхолии, грусти царство твоей,
В чудесных приливах
Редкостной песни, —
Созвездно
Заветным пространствам умилия
В слезных Сумерках чуткой Эмоции.
В преступлении веленовом, мифотворного сходства
Таинствам
Всех торжественных превосходств, —
Не во Зло, но о Зле, —
Бесподобство схороненного, в свадебных тризнах
Девственных пауз,
Дления
Бессмертного Голоса.

Восчеловеченный мир
Там;
Возвеличенный такт¹¹;

Осознаваемый рок
Тут;
Воссотворяемый круг;

Воспредставленна речь
Так;
Воспространствленный нрав;

Восславляемый миг

¹¹ В слове «такт», здесь, имеется в виду человеческое чувство такта.

Вкруг;
Воссочувствован Человек.

Стереотип ограничения правды о свойствах свободы в тебе —
В несопротивляемом слове твоём, как во вздохе... по всем тем,
 По ним всем,
 По всем, —
 Прехожден,
В наслаждении ненадуманной Воли, в вердиктах Любви,
 По принятию
 Вновь не ульстивленной мысли.
Слово открыто тобой для внезапного гостя
Из мира непредвиденных Судеб.
 (Впусти, с тем.)

Ты
Само движение Красоты в превзойденном пределе;
Ты
Его и рожденье и смерть;
В Человеке ново-обретенных Пределов,
Вновь беспредельное —
Первое Знание.

Умереть...
От одного только лишь невниманья;
Проклясть цену слова чрез зло ожидания;
Изменить меру Бога в сердцепрощанья
С... Ты, как сам по себе, — для него этот путь; —
Фатальное Чувство.
Беспредельное.
Estin.¹²

На могилах грёз твоих возрастает драгоценный, наиболее, цвет.
В сонме снов твоих пребудет завет
Для нового вселенского сердца
О том, как сметь и суметь
Принять То,...
Чего на свете вновь ещё нет. —
...Эссенция...
Суть Искусства.

(03.02.2011 – 08.03.2011; Москва)

Когда окончилась Война

(К 66 —летию окончания Второй Мировой

¹² Estin – «существовать» (Др. Греч.)

и Отечественных Войн 1939—1945 г.г.)

Когда окончилась Война,
Был после снова день Её¹³;
И спрашивал он Мир, воскресший:
Достойно ли отомщена
Зло-память, что в видениях,
Знамёна вносит средь умерших?

Мир новый отвечал тогда:
Война есть прежняя страна,
И время той грозит мне встречно;
Ему коль не сломить тебя,
Мне тоже пусть не ведать сна; —
Да будет новый смысл сей вечен.

Войны тогда сын – новый День —
Страну отвёл туда, где Мир;
Над Прошлым в склепе, Смерть взгласила¹⁴:
От солнца разве ль скрыта тень?
Но там, где монстр прочит пир,
Новой стране – две ваши силы.

...Они и до сих пор живут на свете,
Деля пространство-время в том завете.

(08.05.2011; Москва)

Стремление к Звёздам

*/Друзьям прогрессивных 90-х, сего XXI века,
Живым, или покуда ещё мёртвым,
С любовью, посвящается.../*

Когда мы жили только лишь словом,
Мы, не правда ли, мы любили всегда иные слова;
Когда мы жили только лишь смыслом,
Нас встречала в людях вокруг пустота;
Когда мы откинули смысл,
Нас стали учить наши освобождены тела;
Когда мы предали раз глупое тело,
Сознание превозмогло отрицание дня;

¹³ Как известно, даты окончания Второй Мировой Войны и Великой Отечественной Войны в России отличаются на один день и есть, соответственно, 8 и 9 мая.

¹⁴ В параллельном ходе мысли, обратного гуманистическому контексту стиха, мне вспоминаются, также, слова Гитлера из «Майн Кампф» о том, что «большее развитие своей идея фашизма найдёт именно в тех странах, которые наиболее сильно пострадают от этого».

Зачем мы потом прославляли Отрицанием тело!
Зачем мы взяли Отрицание за принцип в смертях?!

Нет-нет, не все доживали лишь только до сорока.
Нет же и нет,
Не все переживали всю свою жизнь вслед смолкающим Нам.
Да. —
Но в нас тогда это было стремлением к звёздам;
В нас
Иных,
Это ещё живо в стремлении к человеческим звёздам;
К живым, истинно,
К самым живым, неподкупным,
И неизолганным, в истине,
И где бы то ни было, в оргазм или в страх,
К истинно человеческим,
Любящим,
Тем чувственным
Звёздам.

Нас, уж после, стали встречать Новых Времён слепые глаза.
А-га... Так, когда мы любили ещё друг в друге себя,
Горизонт стал замыкаться линией стемненного круга;
Когда мы перестали в зеркалах грёз искать близнеца,
Мир и Свобода в тех, в новых, вновь убили друг друга;
Мы тогда стали учить в живом мертвеца,
Мы тогда стали палачами и тризнами вокруг Лжи и Испуга,
Этак, во избежании обесцененных слёз,
Да. —
Но в нас тогда это было, также, стремлением к звёздам,
В нас
Иных
Это ещё живо в стремлении к человеческим звёздам;
К самым живым,
Неподкупным, освобожденным
И истинным, в суицид или же в кайф,
Человечески-истинным, любящим,
Чувственным, full-life
Сверх-чувственным звёздам.

Когда мы станем жить потом только лишь вздохом,
Снова тайная страсть станет душою в словах;
Когда мы сокроем усталость, в след, грубым смехом,
Философская даль томной тенью пребудет в глазах;
Когда выцветет после паденная тень,
Фантастичная гордость вздрогнет небом пред входом; —
Фантастичная, безнадёжная лень —
Будет тот день в оный раз,
Да,

Но в нас это всё же останется стремлением к звёздам,
В нас иных это вспомнится в том же стремлении к звёздам,
К тем же живым,
К тем чувственным, неподкупным,
К тем свободным, воистину свободным,
Человечески-любящим, и истинно
Бесподобным,
Жизне-влекущим,
Истинно-любящим звёздам.

(23.10.2011; Москва)

Чаадаевский Плач¹⁵

...Нет, Я вам не лгу, Я не люблю Россию...
Я страстно не люблю и ненавижу ту,
Да-да,...Россию,...дух мой что лишает сил, —
И пусть, в том, слышится вам плач Мессии,
Пусть, в том, обратно б меня люд поносил.

Я страшно, страшно ненавижу Её ту,
Которая есть враг здесь всей моей науки,
О, сколь же не люблю Её Я эту простоту,
Которая с меня снимает голубые брюки
И оставляет голым в валенках в углу.

О, ненавижу, не терплю Её Я ту свободу,
Какая предлагает веру несть, как бремя слёз,
Какая служит лишь грошу на полмечты в угоду:
На зависть в полдуши – царю, и в полу-честь – вору.

Я не люблю тот Оной вредный темперамент,
Кой прочит долгу быть перед чужим стыдом,
Я не приемлю тот Её собачьих чувств регламент,
Где мера правоты утверждена слепым скотом.

И мне не нравится Её тот в блеф менталитет,
Кой прочит дутым гонором огородить страну,
Тот «нравственный», по бабке сказан, «паритет»,
Кой, в ссудах зависти, казнит прекрасную судьбу.

Но Я... люблю, да... думаю, что всё же Я люблю:
Какую-то, должно быть, Ту одну Россию —
Страну, фантазию – среди всех иных России,
В какой Я смело отдаю свой смысл вниманну дню,

¹⁵ Название стихотворения – именно, «Чаадаевский плач», не «Плач Чаадаева», а потому сие несёт упоминание о самом Чаадаеве, разве что, лишь только подспудно, в той прежде мере, в коей наши с ним, с Чаадаевым, западнические убеждения имеют некую, одну здесь, безвременную почву.

Когда приемлю настроение Её или стихию, —
Когда не сомневаюсь, что всё то, что говорю,
Не вымышлено мной, что не кривит мою стезю,
Что восприимлет истинный мой ум и стиль,
Что уж никак не враг того, что ищет быть собою; —
Когда греза о Продолжении не венчана с враждою,
Один лишь только Я вопрос себе, во вздох, и задаю:
А именно: – Где ж она, Такая, среди всех российских?

(10.11.2011 – 06.02.2012

Москва, Россия)

Ангел Западных Крыл

*«...Ничто не способно заставить Ангела Неба
поступиться собственной свободной волей, —
ничто не в силах заставить его поступить
не в меру присущей ему Мудрости и Любви;
ничто не в силах изменить его вечную орбиту,
ничто не заставит его отвернуться от своей духовной земли,
от небесной земли, данной ему его Высшим духовным Солнцем.»*

(Авторская ретракция мест из Э. Сведенборга)

Ангел западных крыл,
Ты приносишь мне весть;
Воссоздаёшь мой чувственный день,
Белым воссотворяешь свет.

Бездна сердца времён
Вносит тебя в мою даль;
Сколь роскошен твой мир в очах, —
Сколь пленительна твоя глубина!

Дотянись до меня,
Ангел таинства грёз,
Донесись к солнцу сна,
Залети в мой предел;

Обратись миром вех,
Обернись смерти вокруг;
Эта стройность свободных начал...
Эта гордость разомкнутых стен...

Вдохновение смелых ветров
И создание новых небес;
Это – воля твоя ко мне,
Это вечная воля пространств, —

Силой чувства свободных эпох,
Волей к жизни страстных детей...
С ранних звёзд снисходит любовь,
Ангел западных крыл, в тебе.

(18.12.2011 – 24.12.2011; Moscow)

Театр

(Александру Федотову,
сумасшедше-авангардному
режиссёру и моему давнему другу.)

Таков он есть Театр Жизни: – поведение ль..., смерть...
Рок – всюду слишком частое явление, и если захотеть
Смотреть *одним*, как если б, свысока в бездонный грех,
В *других* тогда увидеть сцену испытанья смехом.

Бог смеётся наиболее раскатистее всех.
Как правило, жест в междометьях объясняет его суть;
Он мог бы пережить ещё один бред иль успех,
Но он... Он снова алчет жертвы, коей не избегнуть.

Ах, нет? Не потому ли там *не жертвенны другие*
Столь счастливы использовать вдруг всякий денный блеф,
Чтоб предоставить Жизни-Скуке извинения любые,
И выяснить, кого манит здесь прорва Дама Треф?

И, вот, он – выбор сделан! Друг по самопроизволу,
Известно, вынужденное есть, в целом, существо.
Красавицы тоски пусть опускают очи долу,
Там в ожидании страстном чудо-принца своего.

Какая ж суть! – Ах, все банкноты из кармана грёз,
Все радости в дверях, все одержимости от века...
Ни Бог, однако, ведь, ни Смех не омрачат вопрос,
Что есть там утро вечно-молодого человека¹⁶.

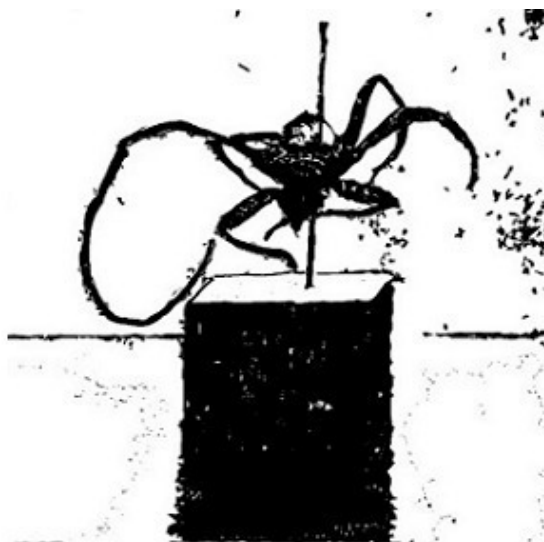
(нач. 09.02.2012 в Москве —
законч. на даче 12.07.2012)

¹⁶ «Утро молодого человека», одноактная пьеса Островского, вполне объективно, может быть отнесена к ярким произведениям наираниго Русского абсурдизма. Режиссёру, кто был способен представить эту пьесу в совершенно новом, современно-психоделическом ракурсе, от меня искреннее уважение. – Тем, кто не знаком с этой вещью Островского, очень рекомендую прочитать сие с точки зрения перспективы прорыва в человеческую утопию.

Видение Ада Цепей (Ничто не есть проданно впредь...)

Бездны давней хладны времена;
Огромная гора, и там на ней,
Окованный в цепях, тот Образ,
Подымавший стылых своих глаз
Архангела ресницы на меня.
И, страх – не страх? – У стоп его там
Виделся мне... котелок, чернее
Что был сотканного бездной мрака; —
Да, котелок, как с Нищего главы
Иль Мима улиц, или Музыканта,
Отшедшего к теням, в мечтах трубы.
И только вслед видение Руки,
С ладони коей соскользнула горсть
Нетленна злата; металичен свет
Его тогда-то, – вдруг от монет
Исшедший разом, – озарил сей вид;
Тогда Я видел, предо мной стоит,
Уж боле не безглазо, Анти-Стыд,
Но он в растопленных очах, – да,
Он – ещё Страдание: Он... плачет?
Нет, он по себе лишь есть Палач.
И, вот, тогда повелевает Он
Руке громадной натянуть ту цепь,
И так, чтобы впивалась в грудь
Она, чтоб тела разорванна ткань
Вкруг изливала бы кровь голубую;
Тогда услышал какофонию Я злую,
И то был смех тех дьявольских монет,
Безумьем исходивших в котелке,
И... «Нет!», там трижды «Нет» кричавших,
Страшно извергавших в смехе смерть: —
«Нет, о, ничто ни есть проданно впредь!
О, нет же!» – О, не так, как прежде,
Я к нему смотрел, и этак видел,
Что этой истиной владеет Мститель,
Ещё злой Рок, но не Освободитель...

(10.12.2012, Москва)

Гимн сезонно-мечтанных Смен (Вскоре; Ускоренное; Скорость)

Скоро начнут просыпаться деревья,
Скоро солнце играть примется небом,
Завороженным птицам – вскоре плыть во приливах света,
Весь мир обратится в круг насыщенной песнью.

День в объятиях тени станет плескаться лучами,
Расстояние сфер смирено будет в скорости утра;
Скоростью цвета там создаётся царствие ветра,
Преисполненность жизни – в скорости движения ночи.

Настроения чувств ускоряют пространство;
Романтических истин ускоренные одиночества
Преисполнены зовом, преисполнены юностным свойством,
Ускоренные судьбы, встречно скорости смысла....

(01.03.2012 – 03.03.2012, Москва)

Слова, красивые слова...

Слова, красивые слова,
Что говорите вы всегда,
Они чтобы судить и клясть, —
Чтоб были оне точно плетъ
В руке Насильника Судьбы?
Иль есть они признание небес,
Так, в каждом из живых,
Кто не пришёл втоптать здесь
Честный смысл Души естеств

В отвратну грязь Анти-любви,
Где только порицание и месть,
И... месть там, всюду, повсеместно?

(08.03.2012; Москва)

Министрант

Добрый друг, министрант¹⁷,
Сколь белы ваши дни,
Сколь легки ваши мысли
В белой одежде —
Министрант новой жизни
В первой надежде.

Ваш злачёный собор,
Господин министрант,
И вся память потом
О жизни безгрешной, —
Этот вяз, этот двор
Этот чёрт иммигрант; —
Это, новым уж днём —
В фантазии внешней.

Мир, взрослеющий в вас,
Честный друг мой, – мечта,
Кой движенье, в любом
Измерении, прежде:
Это – искренний час,
Это – чувств красота,
В океане ж людском —
Дум гармония смежных.

Весь ваш опыт души,
Приключенья во днях,
Вся любовь добрых дел,
Все признания в судьбах —
Чтоб злой свет не внушил, —
В мире чтимых словах,
То прежденный предел
Жизнетворчеств пусть будет.

Вспоминайте ж мечты,
Добрый сэр министрант,

¹⁷ Министрант – мальчик, прислуживающий священнику в Католической церкви; министрантом может быть любой из мальчиков, кто учится урокам катехизиса, и кто добровольно изъявляет согласие присутствовать при богослужении; многие из нынешних, хорошо воспитанных персон Европейски-Католического социума, из выходцев Католических школ в Европе, были в детстве, также, вольными министрантами.

Вспоминайте их ход
Что казался игрою;
В правдах всей Суеты,
Рок – злых тщет протестант,
И свершений исход
Свят ценой золотою.

Добрый друг, министрант,
Сколь белы ваши дни,
Сколь легки ваши мысли
В белой одежде —
Министрант новой жизни
В светлой надежде.

(19.05.2012 – 23.05.2012; – Moscow)

Столь неиспорченные женщины...

Столь неиспорченные женщины...
Сей коварный, деликатный жест. —
Всё наказание для взглядов
Тех, усомнившихся в весне;
Трагедии всех, с тем, отверженных
И мстящих за глаза, – всех тех,
Кто вами не любим и не утешен. —
Сколь неиспорченные женщины, —
Сколь, этак, час раскаяний в вас грешен.

(25.05.2009 – 25.06.2012. —

Нач. в столичном кафе, законч. на даче в Зимняке)

Крепостная Графиня

*/ Её артистически-графской светлости
П. И. Жемчуговой-Шереметевой¹⁸
Посвящается... /*

Ещё продолжают аплодисменты, графиня; —
Сплетни, овации, – слышите?
Актриса, крепостная актриса...

¹⁸ Прасковья Ивановна Шереметева-Жемчугова (1768 – 1803), из семьи крепостного кузнеца была взята на воспитание в графский дом Шереметевых, где, обучаясь всевозможным искусствам, стала, впоследствии, воплощённой легендой сцены в памяти высшего императорского света и челяди. Оставаясь в крепостном театре, она в течении 17 лет хранила верность своему возлюбленному – графу Н.П.Шереметеву; – в 1798 г, она получила вольную, и три года спустя они обвенчались в Москве; – однако, родив сына Дмитрия, через 20 дней она скончалась. – «Я питал к ней чувствования самые нежные, самые страстные... долгое время наблюдал я украшенный добродетелью разум, искренность, человеколюбие, постоянство, верность. Сии качества... заставили меня поправить светское предубеждение в рассуждении знатности рода и избрать её моею супругою. (Из «Завещательного письма» сыну графа Н.П.Шереметева).

На сцене, полной цветов, дышат ещё декорации:
Все воздушные образы смысла¹⁹;
Ах, Графиня, живая графиня....
В небесных мечтах и фантазиях, true artistess,
Художества высшего грация;
Невеста, роковая невеста;
В изысканной фразе – незабвенные все вариации
Верной песни, нежной любви;
Ах, графиня, неземная графиня...

Моя дорогая, моя золотая графиня,
Сколь чудесен в вас этакий свет,
Этакий тон, моя душа, дорогая графиня,
Сколь редкий в вас чувства портрет;
Се вольно в художнике, и в крепостном²⁰,
Чистым демократичным сюжетом;
Се танцует как будто бы кремовым сном
В той²¹, чьи *на* стали дружбы заветом;

Свет Мальтийской Звезды, венчанна любовь —
Ореол истой страсти в искусстве;
В Тайном свадебстве душ²², завещанная Новь —
Честь герольда вечных Такта и Вкуса.
Лести чуждый сонет, Ариадниной песнью
В мир Свободы ведёт поколения,
И Признаний Душа вестью полнится здесь
О питавшем мечту Вдохновеньи.

Ещё продолжают аплодисменты, графиня; —
Всплески, овации, – слышите?
Актриса, легендарна актриса...
На сцене, полной цветов, вновь вздохнут декорации:
Все воздушные образы смысла;
Графиня, столь земная графиня....

¹⁹ В 1860-е годы в Кускове (с 1960х гг. – район Москвы) был создан «Воздушный Театр», из подобного типа театров, представление о коем единственно сколько-то сохраняется там и поныне. Спасённые чертежи и акварели истинно свидетельствуют об одном проекте исторически-архитектурной уникальности. В годы владения усадьбой Николаем Петровичем Шереметевым, когда на сцене театра ставились многие видные пьесы и оперы, русские и зарубежные, «Воздушный театр» в Кускове, по праву, назывался одним из чудес культурного Европейского света.

²⁰ Придворный художник Н.И.Аргунов, великолепный художник, также, из крепостных; впоследствии, получил отпускную, или вольную, оставаясь на службе у графа. Наиболее примечательные полотна его – портрет Екатерины Второй (кой и до сих пор в Кускове, кой – из всех мною виденных портретов императрицы – наиболее живой в его ненадланной натуральности, истинно пленяющий женской грацией и красотой) и портрет гр. П. И. Шереметевой (посмертный портрет беременной), написанный в удивительном мистическом свете.

²¹ Шлыкова Татьяна Васильевна, по сцене Гранатова (1773—1863гг) – прима-балерина крепостного Шереметевского театра, коя являлась ближайшей подругой П.И.Шереметевой, свидетельницей на тайной церемонии их венчания с графом, и, по смерти графини, получив также вольную – наставницей сына их Дмитрия, крупнейшего из меценатов своего времени.

²² Как было сказано выше, граф Николай Петрович Шереметев, командор Мальтийского Ордена, обвенчался со своей будущей супругой, его бывшей крепостной актрисой, тайно, в избранно-малом кругу свидетелей, – в тайне от отца своего и от придворного света.

*(20.06.2012 – 03.07.2012;
В Зимняке под С. Посадом, на даче)*

Безызвинительное

Мы будем, раз, и вновь, благодарить всех тех,
Чья жизнь в перспективе извиненья:
Безызвинительно-прекрасной станет, с тем,
Вся в нас, свободная сомнений их, любовь...

(20.11.2012 – Москва)

Страсти по Вертеру

/ В перечитывании Гёте /

Милый, добрый Вертер,
Ты должен убить себя, друг мой.
Добрый романтичный влюблённый,
Тебя просят уйти.

Святой Валентин, честный Вертер,
Увы, светит не по тебе.
Благословенье льётся в твоё окно,
Но пурпурная блядь не с тобой.

Ах, она смеётся с другим, Вертер; —
Под утро, она – демон бессонных грёз.
Весь мир, как перевёрнутый отвратно гей;
Твоих им не нужна глубь высот.

Ей не нужен такт твоих высот, Вертер,
Ей не нужен голубой такт сердца;
Ты должен убить себя здесь:
Она – только лишь призрак.

Спасайся! Но, скраденный чужою зарёй,
Найдёшь ли спасенье в бездне?
Спасайся, Вертер,
Устремись к живой!
Ах, сумеешь ли лететь не с грустью
В раннее новое солнце,
Жертва неземной мести?!

Спасайся, друг мой...
Ибо тебе должно пасть в смерть.

(12.02.2013; Москва)

Памфалон

Здравствуйте, господин Памфалон!²³
Храм дивленной природы – ваш дом;
Птицы воспитали ваш сон.

Полицмейстер к вам не лезет в окно,
Господин Памфалон;
Проклятия, натуралист Памфалон,
Не хмурят ваш небосклон.

Революции: —
Пожар революции на ваш холм, —
Не всплзёт он:
Ваши мыши, ваши плющи
Не станут фьюнеральным огнём.

Летней лютне фавн споёт в унисон,
И нимф странных станцует сонм,
И ночью у вас свет, точно днём,
И предательств не слышен стон.

Вас не мучит мысль о государствах,
Бес Памфалон, —
Вы пережили зло Государства.

Вы верите в предвечный закон,

²³ «Скоморох Памфалон» – добрейшее произведение всем известного Русского писателя Николая Лескова, преисполненное блаженнейших смыслов духовного Человека.

Шут Памфалон? —
Утренним облаком от всех скрытое Царство.

(01.07.2013 – 08.07.2013;
в своём Зимняке под С. Посадом)

В Песнях Света Иманта Раменьша²⁴

...Виденное преображает мнимость,
А мнимое не в силах боле испугать
Коварным, в раз, своим исчезновением;
Волшебная то прелесть – светлое схождение
Чувственного вида в многоголосу мысль,
И чувственного сна скольжение в явь,
И сказочной души that «with my light»²⁵.
Когда бы ангелы, в своих благих крылах,
Могли бы столь легко сходить по нитям звёзд
К очам, тут внемяющим любви надежд!
Когда бы птицы столь легко могли бы петь
На языках, понятных избранным мечтам,
В страстях чудной волшбы незлобливых невежд! —
Да так и есть! Движенье тайно дивных струн
Обяжет голос сокровенных утр плыть
Созвучно пению, в сердцах, эфирных станц; —
Да будет счастлив всяк, постигший эту песнь,

²⁴ И. Раменьш (увы, Я не знаю верной Английской транскрипции имени) – бесподобный Прибалтийский композитор, коего поэтически-музыкальный цикл «Песни Света» Я считаю, поистине, выдающимся шедевром жанра современного многоголосно-певного сочинительства. (Каковое, да будет известно сколько-то музыкально-образованным читателям, до сих пор, считается высшим продуктом композиторской мысли.) – Всем, кто прежде не слышал ещё это уникальное классическое произведение, очень рекомендую прослушать; если же вам удастся совершить это под утро, этак, медитативно, по пробуждению, – уверяю, вы испытаете невообразимое духовное просветление и блаженство...

²⁵ Замечание: строка с Англ. текстом (фрагмент, непосредственно, из «Песен Света») читается в транскрипции диалекта, подчеркнута Лондонского, т.е. с более выраженным акцентом на «а», не «э», как это принято в правилах преподавания языка в России; [that] – not [thæt]. – Почему в столицах, вообще, больше «Акуют», чем в провинции, Я не очень-то знаю; буква «А», однако, в любом из алфавитов символизирует некий «Абсолют», некий дом, некое фундаментальное стремление, вознесение... (Да не в обиду провинциалам сказано).

И незабвенен будет миг that «of the start».

(23.07.2013

дача в Зимняке, под Серг. Посадам)

Сонет к Матери

О, что скучней того, чтобы считать года!
Слагать напрасным цифрам дифирамбы,
Напрасным вздохом возвеличивать всегда
Часов банальный ход пред старой лампой?

О, нет! Прелестней много-больше, в сотни раз,
Смотреть в перспективу дней желанных;
Не правда ли, сколь больше привлекает глаз
Волшебный шарм часов и лет не знанных!

Да, памятни сценарии для нас тех грёз,
В которых светом чаяний теплились очи:
Когда же не погублен мир их зрим всерьёз, —
Чрез всяку грусть, путь к радости упрочен.

Красот души молодой нам с возрастом достигнуть;
Стары людские дни, коль это не постигнуть.

(18.08.2013 – дачка; маме на Д.Р.)

К 450-летию Шейкспира

(Гимн во здравие Души)

Дух романтический,
За здравье мертвеца испью —
Как завещал поэтов друг²⁶,
Священной птицы песнь²⁷
Лететь пребудет вкруг,
И мир фантазии, и весть
О правде чувств величит пусть
Мусический священный час!²⁸
В признании незабвенных фраз,

²⁶ В первой строке стиха должное внимание и уважение Я отношу Духу Романтики; поэтому под «другом поэтов» здесь подразумевается никто иной, как первосортник кружка Английских романтиков 19в, Лий Хант (Leigh Hunt); именно ему первому принадлежала та оригинальнейшая мысль выпить за здоровье Шейкспира, каковую он смело высказал на страницах своего литературного журнала «Индикатор» в 1820 г., в эссе, посвящённом сей дате.

²⁷ Птица сия – Жаворонок – что должно быть известно всем литераторам, впервые была вдохновенно воспета Шейкспиром и, до сих пор, считается священной птицей Английской поэзии.

²⁸ Имеется в виду мусическое искусство, ещё по Платону.

Грядущее великое Позавчера²⁹
Пребудет в истинных очах
Своих магистром таинства:
Целебно времени Души искусство.

Слав вечных гений торжества!
Вино да будет вышею водой
В преображении своих всех свойств; —
Пьянение предстанет трезвостью:
Действительность черты той: —
Чист богатых в бедном дух,
Кристалльных просветлений суть,
Дар заповедных королевств,
Воздушных и земных безумств,
И, волей дивных муз, мир свадебств
Не слепых и не ревнивых,
И Время – не больных убийц.
(Что ж, Созидание, – за Смерть?)

За Здравье, Превосходный Дух!
За здравие воистину Той³⁰,
Кто во кругу всех вех и лиц,
В ядре земных всех толщ, судеб
И всех божественных рождеств; —
Питаема воспетой смертью,
Своей грезой бессмертна здесь.

Жизнь Оной да наполнит рог чудес, —
Сонм Дня, со мною да испей сей свет!

(01.04.2014 – 09.04.2014; Москва)

Клятва Гиппократ

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

За изучением Гераклитовой и Сократовой логики, в некотором постижении Эллинского «учения о словах» в былых и современных сочинениях, в частности, этак, перечитывая М. Хайдеггера, мне недавно пришла мысль, пока-что в поверхностном роде, исследовать достояние всей завещанной быть истории медицины, а именно, оригинальный текст всем-известной Клятвы Гиппократ, каковая, как известно, была изменена в России на клятву Советских Врачей. То, что много толков разного рода и разного основания ходит вокруг идеи интерпретации сего произведения, то – правда, однако ж таки, всего лишь в силу собственного любопытства, избегая при этом вникать в оные сторонние мнения, мне захотелось самостоятельно поразмыслить над текстом. Я как будто услышал некий голос в себе, который

²⁹ Это опять-таки фраза из эссе Л. Ханта, одна из заповедных его фраз; безусловно, в ней читается влияние эллиниста П. Б. Шелли и его заповедного образа мышления.

³⁰ К этой моей строке, вам легко вспомнится Сонет 146 Шейкспира, посвящаемый как раз-таки «душе» /...«the centre of my sinful earth».../; – «Питайся смертью, что в жизнях людей, И Смерти, в умираниях, не знать смертей.» – эти две последние строчки оттуда. (пер. М. Гюбрис, 2006)

призвал меня к этой затее. То, вправду, стало великим удивлением для меня, когда совсем недавно, несколько дней назад, Я узнал о том, что в Ватикане было посажено сакральное дерево Гиппократ. Должно быть, сие – знамение; такое доброе совпадение; так, в мыслях о том, что мой сын – католик, моя мать – православная, сам Я – независимый протестант, а мой отец – закоренелый учёный агностик, да, и вообще, в мыслях о том, как много представителей разных конфессий пребывают в честном служении искусству Гиппократ, так, несомненно, и у нас, в России, – во всех таких мыслях, Я нахожу ныне совершенно необходимым уравновесить истинные чувства жрецов медицины в едином её пантеоне, коль скоро, если я думаю о том, что нынешнее признание нетрадиционных методов лечения профессорами науки не может ответно не побудить духовную Россию к ново-принятию и к некоторому переосмыслению перво-этического заветания ученика божественного Асклепия. Вообще, сия тема – новоизложение оригинального текста Клятвы Гиппократ (так, взять на уровне опять-таки философа-логиста Хайдеггера) – суть, тема, на мой взгляд, достойнейшая наиболее глубокого погружения в сокровенный мир Ионического языка; для тех, кто последует сим путём, сие может стать превеликим из достижений в области философии и естествознания. На Русском, да будет сказано то ко всему энтузиазму авторитетнейшего Кабинета Древне-Греческого языка и культуры.

Вам – задача Школы Эллинской нового языка:
 Говоримое от природы добродетельных сил,
 Не убудет ни в сердце, не избудет верности слова;
 Муж, произнесший великую клятву светилу,
 Положил ей быть навсегда нерушимой твердыней
 Исповедного знания продолженья жизни, —
 Вверена та искусствам достойным в оной участии.
 Разумевшего счастье и мудрость часа Сократа,
 Сего добровидца пребудет священная клятва,
 В веках поколений, чистою мерой деяния
 И сохранения образа в практиках здравия.
 Названного жреца Гиппократ Асклепиада
 Многие смены пришедшее целебное слово
 В Логосе вечном раскроет, пусть, внятную правду
 Для жрецов, идущих путями призвания, новых.

Вот, что сложено мной ко дню ныне из слов Гиппократ:
 «Клянусь светом зримого глаз, зрящим светом, целебным»³¹,
 Клянусь божеством³², духом и чувством благоприязни³³,

³¹ В первых строках своего произведения, Я пытаюсь раскрыть смысл того, о чём говорит Гиппократ в своём обращении к богам. В том, мной выбираема наиболее объективная смысловая трактовка сего: – не вдаваясь в особенные нюансы Сократовой схемы, – иначе, в следовании изначальному представлению о логосе, как это, к прим., в интерпретации М. Хайдеггера, – «вызволенье, выполаскивание» в имени бога Аполлона было бы либо слишком абстрактным, либо слишком пугающим для такого рода Клятвы; – самое прямое отождествление имени Аполлона – свету и целительному свету, соответственно, свету внешнего и свету внутреннего, как то физиологическому свету зрения, или же свету сокрытой мечты, своего рода мыслевидению;

³² Коль скоро Асклепий, по духовному верованию Эллинов – сын бога Аполлона, то, в ряду ипостасей, сей смысл вполне возможно было бы именовать «сыном бога», или, – что было бы особенно предпочтительно для сугубо-религиозной аудитории, – соотнести сие значению смысла «Сын Божий»; Я, однако, выбираю более лояльное толкование, именуя сие общим словом «божество», и к тому, соответственно, следует связь других имён:

³³ Гиги́я – богиня здоровья, дочь бога Эроса; Панаке́я – не только магическое средство исцеления, но, прежде всего, дочь божественного Асклепия: – из сего следует прямо-закономерная обращённость к свойствам чистой натуральности и, настолько, насколько «дочь» противопоставлена «божественному отцу», настолько сие полагает правильную гетеро-

Умом, – его здравостью, – воспитанным к познанию,
 Достоинством пола и деторождающей силой;
 Правом клянусь, в причащении Священной Чаши³⁴,
 Во свидетельстве всех престолов всех вер и религий
 К послушенью в занятиях своих природной Идее,
 Деять в истине о способностях, и не в дерзости,
 И не в лукавстве: – скреплено то будь в буквах судеб всех; —
 Дух правд учителя единю с духом родительским,
 Потому учеников единю в духе с потомством,
 Потому берусь и достаток делить с ними в нуждах,
 И идею развития чистой школы искусства
 Относить первому смыслу всех дружб, и не прибыли.
 Да не будет силён ни единый из уговоров,
 Ни один из законов или сложенных понятий,
 Из тех, что испортить способны суть эталона
 Заповедного человекоучастия в судьбах; —
 Да не извратится с тем закон продолженья жизни
 В данной клятве сей о практиках дел исцеления.
 Сей закон – заведомо чужд идее любой умирания³⁵,
 И да не станет поводом прерывания жизни,
 В желании оной, в муже, в жене, паче в матери
 Иль в обрешем человеческий образ зародыше; —
 Потому время и чувство в больном Я разумею
 Отнесённое чувству и времени их волежелания
 К оздоровлению, равно то в зрении, в слухе ли,
 В психике, во внутренних органах, – как и себе то.
 Жизнь оттого посвящаю свою добродетели,
 Чистой природе, в том, и непорочному смыслу;
 В мир больного Я никогда не внесу ни неправды,
 Ни злобы, вреда иль ревности, или растления³⁶,

духовность; излагая в своей строке «божество, дух и чувство благоприязни», Я имею в виду всё то, что есть внутри-человек; далее, Я соотношу эти смыслы их эсхейским соответствиям на уровне гармоничного сосуществования полов;

³⁴ Обращаясь к образу «священной чаши», Я, конечно же имею в виду чашу Гигиен, кто пошла из неё змею, откуда, собственно, и возник сакральный символ медицины; к сему же таки, Я обязан добавить мною особенно понимаемый подспудный толк: – мной недаром был упомянут, этак, ещё в Преддистихии моего произведения, т.н. «час Сократа», что означает час самоубийства Сократа, ибо сам Гиппократ был вхож в тюрьму к осуждённому философу и имел с ним беседы; мне кажется, что потрясение именно этим смыслом, впоследствии, побудило перво-этика медицины столь подчеркнuto провозгласить запрет на «смертельное средство», суть коего Я пробую заново-современно истолковывать в нижеследующих своих строках;

³⁵ Высказываясь против мной названной здесь «идеи умирания», величая «идею продолжения жизни», сообразно вышеизложенному, Я учитываю общий характер черт излагаемой гуманистической концепции в отношении индивидуума и его нравственного здорового общества, в чём Я не могу не отдать должное, также, и всем прогрессивным взглядам в вопросе свободы выбора и реабилитации полов и регулирования деторождаемости; потому, взгляд на аборт Я отношу известно-принятому, на сегодня, представлению о «зачинаемой человекообразности» в зародыше; – по этой причине, мной как раз и выделяется такое понятие, как самостоятельное «волежелание» человека в отношении подчеркнuto-его жизни, что представляет собой весь психобиокосм на сегодня изученного человеческого организма; – Вопрос же о «каменной болезни», думается, не есть только лишь вопрос того исторического толка, что было сутью разделения школ асклепиадов; мне кажется, что вопрос сей гораздо более сакральный и, в своём роде, весьма метафизически-философский, коль скоро мы способны опять-таки заглянуть в глубинный корень Эллинского писания: так, для метафизиков нынешнего времени, мне думается, ещё предстоит разобраться заново в сути того, что есть такое «камень», и что есть антропология образа «камня» в отношении эйдос «камня», и что есть синкретическая функция «камня» во фразеологистике и именноподобных, и, засим, уже и тогда, когда «камень» находит по себе собственную сакрализацию в тех или иных выраженных свойствах;

³⁶ Далее, Я истолковываю понятие «пользы» и «вреда» в отношении препоручившего себя целительству Гиппократа, а,

Из тех, что способны нарушить все-благость естества.
Да не будет предано мною из знанного, в тайне
Искусства, о людях сиих, слуху людскому ничто.
Да воздастся мне за служение дивной идее
Целительного человекоучастья счастьем
Вниманья людского и признания времени.
Преступившему клятву сию, лжецу, будет всё то
Обращённым против него во все-осуждение.

(19.04.2014 – 28.04.2014; Москва)

Похороны Войны

/К тёмной дате начала 1й Мировой Войны/

Взгляни, должны быть факелы там? —
Их певны языки в щитах зеркальных,
Глянь, в ристальных таинствах своих, —
Они исполнены очей фатальных,
В которых истина о все-свободных
Гениях культуры провозвестных благ.
Там, за грядой из призрачных облак, —
Нагой курган? – но игрище ли флагов
Иль хищнических крыльев на крестах?
Се странно шествие-всезрелище,
Как карнавал; прощальных платьев страх
Поёт, как в сон, там сказочный фазан;
Повиновен искусству фраз ландшафт;
Тимпаны, идолы и жертв всех... смех!
Глашатай в круге произносит вслух:
«Блаженство праздных – на похоронах!
Искусством погребенья счастлив дух!
Адепт, Плясун, Шут, хороним Войну!»
...Все-оживление. – Волшебный труд
Вину спослан – там обоюдоцарствен Миф
Чтоб изошёл к любви эпох: зло стран,
Гляди, преданно глупым чучелам,
И их несут, и всюду зиждим слух;
Так расступись, даль-полог бранных дел!
Встречай, Терновник Чёрный, Красный Смех!³⁷ —

с тем, как вы могли это заметить, серьёзный акцент мной делается в запрете на т.н. «перверсию», т.е. то, что упомянуто в словах о «растлении»: – строка из оригинальной Клятвы Гиппократ о «неправедном и пагубном, особенно... (о) ...любовных дел (ах) с женищинами и мужчинами, свободными и рабами», при всей её архаической классовости, подчёркивает прежде всего тот аспект, в котором натуральное чувство в согражданах, при порочном поведении врача-лечебника, может быть нарушено или коррумпировано образом анти-социальным; – так, известно, ведь, о двух Венерах, Небесной и Народной, смешение коих всегда полагает собой крушение социальных основ и устоев; – сие читается и в корнях слов Гиппократ, и это весьма важный аспект, который, в использовании «принципа Платона», Я соотношу, прежде всего, с изначальными понятиями о добродетели чувств.

³⁷ «Чёрный Терновник» – образ из пр-ний Г. Тракля; «Красный Смех» – название повести Л. Андреева; – оба эти автора

Часов Балкан и Дарданелл³⁸, их Мир
Отсель един – их цикл, их театр-цирк...
Не веришь? Там, узри – вздыманна Тень
И с нею силы о двух тьмах Времён³⁹,
И к ней регалианты⁴⁰ идут все
Собранием великим на поклон,
И гимн увеселения – Жизнь Ссуд
Извечных в них, к предобращенью правд.
Но, вот, уж будто замер гвалт – сосуд,
Волшебнейший, вещает в Новый Век;
И с ним – всё то, что прежде не сбылось,
Всё то, чему не верил человек. —
Чшш... Послушаем здесь.

– Возьмись, Ильмер, принять великий дар...

(8 мая, в день окончания 2-й МВ, Москва;
yet unfinished...)

Жизнь – дивное смешение

/ Проф. М. Д. Литвиновой

относятся к плеяде авторов 1й МВ, и в сих произведениях представляются для меня, в своём роде, подобно полюсам, наиболее выразительно характеризующим общее пространство бифронтального творчества войны; – то, что бесспорно о Тракле, – в сем ряду, ещё мало оценено в Русском Андрееве, что, однако, по силе художественного воздействия, на мой взгляд, в поэтическом смысле, стоит на порядок выше издавна-популярных у нас Ремарка, А. Толстого и др. – Конечно, сами образы в моей поэме, в их сакрализации, относятся временам куда более давним, чем только период начала 20 в.

³⁸ Балканский полуостров, как известно, был извечной причиной великих мировых войн; говоря о Дарданеллах, о проливе Дарданелл, Я имею в виду время до-Христианской эры – время великой Троянской Войны: именно там (где-то, там) была похоронена Чаща Гефеста с прахом великого Ахиллеса, – об этом, однако, в строках последующих...

³⁹ Здесь ссылка на откровения из Влесовой Книги; – «тьма» равняется 10 тысячам лет; – по свидетельствам Книги, в то время на земле была единственная война – архивойна, и она была войной между Ильмерами и Греками; то было время до падения града Злат Сурож;

⁴⁰ «Регалиант», «регалианты» – слово, мной произведённое от слова «регалия»;

Ко Дню её рождения /

Сей мир – из редкостных частиц души
Он состоит, и жив прозреньем стран;

А весть о странах, на пути мечты,
Нам ведома по предрицанию чувств;

The note of history, из тайн тиши
Своих имён, исходит гордо к нам,

И Гений черт людских, из темноты
Далёких уз, выводит свет искусств.

И дивное смешенье – эта жизнь,
Сотканная из лоскутков всех правд;

И дивное признание – путь Любви
В свидетельных друзьях Её времён;

Судеб из скольких состоит та мысль,
Творец в кой благородным духом прав!

Миров из скольких скроены те дни
В коих свет в нас – свет всех его сторон!

(06.06.2014 – 09.06.2014; Дача под С. Посадом)

**Кукушка и Соловей
Басня, из добрых**

Кукушка, в подражанье соловью,
Однажды, раз, взялась за дело,
И говорит: тебя Я тут перепую;
А тот её не замечает смело, —
И что же? льётся соловьиный глас,
Исполненный всех дивных ноток,
А в унисон ему, подряд, сто раз —
Кукушкин, всепродолженно-короток.
«Что ж замолчала?» – в такт ведёт певец;
А та ему в ответ: «Уж сколько песен!»...
«Часам любви да не придёт конец!» —
Ответ сей... соловых был сколь лестен.
Так, что ж – обида? Нет! – Даль, из-за кроны,
В ответ летит кукушечий сонет,
И в нём признания, и чутки стоны;
И сожаленных чувств уж вовсе нет...

Вновь трелью с кукованьем полон свет;
В сей Елисейской роще – пир дуэтов...
Суть? – Скажет и философ, и поэт: —
Не в подражаниях, – в душе ответной.

(июнь 2014 – 11.10.2014; дачка)

Рог Астольфа

Играй, Астольфа⁴¹ добрый рог,
Играй залиvistее, громче!
Играй, чтоб разум ведал рок
И гибель сам себе не прочил.

Взметнись великой трелью ввысь,
Развей Зла колдовские чары!
Героя сделай светлой мысль,
А стерву обреки на кары.

Лети в глаза. Друзей кошмар,
Ослепленных кровавой распрей,
Там обрати в прозренья дар,
Избавив от убийств напрасных.

Вей! Пой! Эротизируй! Славь!
Да будут оправданнны свойства;
Натуру не скривит Лжи явь,
С Химерой что утратит сходство.

Играй же дивностный рожок!
Целебная искусства сила
Часам, пусть, тем пребудет впрок,
Любовь что раз провозгласила.

(08.08.2014 – 10.08.2014

Дача под С. Посадам)

Синь Небес Метерлинка

⁴¹ Читателю должно быть известно всеславное произведение Т. Ариосто «Неистовый Роланд», изумительно-прекрасная рыцарская поэма. – Астольф, герой этого шедевра, Английский рыцарь и друг Орlando (Роланда) – единственный, кто сохранил мужество в тот драматичнейший момент, когда, потеряв Орlando (онный, обезумев в любовной страсти, сбросив свои доспехи и бесстыдно обнажившись, ни с того ни с сего, пустился в избиения невинных крестьян), друзья оказались под воздействием колдовских чар: перестав узнавать друг друга, поили биться один против другого, и чуть было не сделались жертвами враждебных лесбиянок. (Я надеюсь, Читатель во всём таком видит нечто, гораздо более психологичное, нежели только поверхностное унтер-понятие.) – Астольф, узрев такую опасность, достал тогда свой волшебный рожок и заиграл в него так, что все враги с перепугу разбежались, а друзья... враз прозрели. – Потрясающе-поучительный фрагмент... (Убедительная сила искусства!)

В небесах Метерлинка
Поёт одинокая птица,
Что тебе снится?
Кто тебе снится?

Птица-диво красавица,
Как же привидится!
Где очутиться?
Кто очутится?

В явь обратится
Небыль-тайна кудесница;
Очертанные лица,
Дивноокая ризница...

Чудится,
Видится...
Изумрудные солнца,
Хрустальные спицы;
Лестница,
Вестница...

Бесподобные Ниццы;
Непредвзятые станцы; —
Вы не любите Шварца?
Вы не слышали Шварца?...

...До свидания, странница...
Всё, что деется – вторится;
Всё, что внемлет – дивится;
Зареясная колесница
Катит *за* морем над одром столиц.

В небесах Метерлинка
Поёт беззаботная птица.
Что тебе снится?
Кто тебе снится?

*(нач. окт. 2014, дачка —
26.08. 2015; Москва)*

Осенний Этюд

День золочёный, прекрасный;
Солнце сияет, лени~~т~~ся;
Птица играет, трепещет;
Миф обращается к Смерти.

Воздух влюбляется, плещет;
Чувство внимает, кудесит;
Истине смелой доверься —
Боги вне мер постоянства.

Домыслы всеу напрасны;
Судьбы ль враги Легколетьям?
Тайное вдруг настроенье;
Это – лишь осень, лишь осень...

*(14.10.2014 – 17.10.2014;
Дача под С. Посадам)*

Воссоздание Христа

(Рождественская кармина)

Когда воссоздадут Его
Из дивь-эссенциальных капель —
Тех, схороненных в плащанице, —
Когда сценарный алхимизм
Научных грёз произведёт
Живой иконообраз на границе
Мысли бытия; – вновь фатализм
Когда вопросом изойдёт там,
ЧТО есть совершенна формула
Для общества и индивида:
Как жертва Пробужденна Сна⁴²,
Искусственная ль смерть⁴³: – Вторая
Явь? в Век Света? – Гения ль, Вида? —
ДНЯ этического Спор тогда
Выйдет велик; печаль слепая
Чувственного знания свой лик
В тех обратит к делам труда
Былых легенд, а «безымянных Суд»
Партий интеллект сведёт к злу Врат, —
Как раб, кто боле не спасёт, враг
Не попустит прав; – цифр взропшет мир
В звёздных чертах, когда мудрец сан
Свой предаст мечтам негладным
И вновь, и где в свидетельствах лир
Ещё жить неизменному слов
О том, что, в имени, Сын – Добр там.⁴⁴

(07.01.2014 – 12.01.2014

Дача под С. Посадам)

Чернь

Рожденные из грязи скотских слов,
Они взрастают в смерть цветам;
Их много, в имени одном⁴⁵, всех там,
Ревнивых к звукам чистых голосов.

⁴² Есть сравнения со сном как жизни, так и смерти; в каком бы то ни было ракурсе, Я думаю, вы улавливаете весьма реалистичный акцент, делаемый мною на (общий) смысл идеи клоно-материального возвращения из практического небытия.

⁴³ К сему, вы, несомненно, также слышаны об идее креонологического будущего; в сих строках – встречное пересечение этих идей, по представлению; думается, что не зачем излишне объяснять аллегорическую «Вторую Явь», появившуюся заведомо контраверсивно известно-библианской «Второй Смерти».

⁴⁴ Christos – в пер. с Древне-Греч. означает не иное, как «добрый»; – от себя, признаюсь, что для меня лично, сей смысл в корне полагающего его слова, есть первоначимый во всём том, что, как говорится ныне и как будет говориться потом, суще «вокруг да всяко, да... около»...Его персоны.

⁴⁵ Фраза П. Б. Шелли о худших существах: – «Вас знаю. Многих в имени одном...»

Заговоренные в животном зле,
Они живут душой своих уродств,
И, избегая страхов бесподобств,
Плюясь, труп топчут Красоты в земле.

Простейшие потребности их дней
Не терпят вкуса, что далёк их рта;
Любовь их – та собачья черта,
В чём грубость лишь решает, кто верней.

Слепой их Ум вокруг создаёт Тюрьму,
Куда идут потом честнее их;
Прожжённых вровень стонам щеголих,
Их сетования на свою судьбу.

В одном числе пасёт чернь ход Судеб,
Но мёртвых всюду больше, чем живых;
Меньшинственность Добра познав средь них,
Своим числом дикарь ест чёрный хлеб.

(06.02.2015 – 10.02.2015; Дача)

Я слышал Гимн

(1й вариант, краткий)

Я слышал Гимн: мне чудится оттоль —
Гимн, лихо грянувший, как вихорь,
Как обилье вод, как рокот сил;
И в нём Я слышал, в Гимне зычном сим,
Что брань⁴⁶, Страх из забвенья вышел,
И высшие явления пленил;
Царил не выживших средь, лишних;
Дань жертвенных стад относил слепым,
А верных гнал к иному свету;
Там, сокрушен в уме об этом,
Как мать моя в детстве, перед ним,
Во сне сим, сколь же Я напуган был...

(2й вариант)

Я слышал Гимн: мне чудится оттоль —
Гимн, лихо грянувший, как вихорь,
Как обилье вод, как рокот сил;
И в нём Я слышал, в Гимне зычном сим,
Что брань, Страх из забвенья вышел,

⁴⁶ Брань (бранный, бранное поле) – используется здесь в первоначении сего Русского слова.

И высшие явления пленил;
Царил не выживших средь, лишних;
Дань жертвенных стад относил слепым,
Признанных гнал к берегам иным там,
Верных – к тризнам; – сон по отчизне
Праздный был, но Я в смятении застыл
Пред звукострахом наважденным, —
Точь, мать как в детстве⁴⁷, в порожденном
Гимном чувстве, Я всё позабыл...

(13.03.2015 – 17.03.2015;
Дача под С. Посадам)

Сожаление, по Шатобриану (Эпиграмма грусти)

*/В. Б. Микушевичу,
к его недавнему «Запоздалый след»,
из лирических стихотворений 2015/*

Не грех, что то сказал Французский ум; —
«Как жаль, что в мире злополучном
Те души, коим жить бы неразлучно,
Увы, обречены в томленьи дум
Друг друга знать аль слишком поздно,
Аль рано чуть, вздыхая слёзно,
Тая в одном всё то, что было б Двум.»⁴⁸

(24.03.2015; дача)

Апология Сотворения Человека, и его оправдание

*(На недавне-представленный фильм Г. Потоцкого
«Жизнь в потоке Доброты»)*

Взывает Беззащитность к Доброте,

⁴⁷ Биографическая нотка: – Мама рассказывала мне, как в ранние послевоенные годы, ещё ребёнком, она вдруг пугалась, когда по радио громко звучал Гимн Советского Союза... Ко всему послесловию здесь, читателю, конечно же, не должно представляться сие так, что стихотворение моё обращено против самого по себе Гимна, каковой есть, прежде всего, весьма замечательное музыкальное произведение, и есть державное достоинство. Но тому истинное моё свидетельство, что под утро уже, в ночь на эту Пятницу 13 числа, мне приснился именно гимн, и он, деформируясь в какофонию, был именно страшен моему слуху. набросок сего произведения сочинён был буквально сразу, по пробуждению. Это уже не первый раз, когда страшный сон предстаёт для меня в слышании каких-то чудовищно-взрастающих мелодий, как нечто, наподобие неслыханных никогда прежде, гротескных хоралов, где сливаются голоса непостижимого рода, тона и судьбы... Впрочем, это уже мемуаристика. (М. Гюбрис)

⁴⁸ Это – поэтическое переложение одной из известных фраз Шато, кое не позволяет мне играть умом так, как это нередко принято во Французской культуре, где сенсуализм есть подчас основа всякой умственной экспрессионности; именно об этом Я и говорю в первой строке.

И беззащитней глины есть ли что?
И есть ли что первее честных слов,
Вложенных в изваянные уста?

В том, что дороже оживленных глаз?
Чей мир, что рухнет прошлому взамен?
Как контур растворяется креста
В гордиевом пространстве Вечных Смен!

Ты – оттиск будущего! Верь, человек:
В исходе нрава чувств, нет мёртвых стен;
В Весну, по пол-Лица на Мира два,
Тот воздух жив, в чём лишь твоя любовь.

(05.04.2015 – 10.04.2015; дача)

В тайнах Божественной Комедии, или 750 лет света Данте (TrES2b; «Trespass to be»?)

Там Тьма. На той Её, обратной стороне —
Жизнь сутию томимых грёз,
Семь сотен с половиной лет.

В рождение Дня Данте,
В одной из миллионных всех долей,
Систем тем миром отражённый Свет —
Небесный Одиссей.

Здесь, в яблоневый цвет,
В дождь, на моей Земле, он – Весть;
Так, если саламандры – из огня,
Актисион – он весь из серебра
Из Звёздного; жизнеисход
Из Красного там Сна.

Надежд, оставленных сполна,
Найдёт Юпитер в тайнах глаз;
Искрен Я слышу певный голос:
Чрез тридцать с половиной лет,
Как тень Любви средь вас, Поэт
Вновь Ледяного там Царствия зрит колосс; —
К той конституции, все девять тёмных грёз:
От круга всяк из Ада сущность сих,
Но лучшее, всё ж, в каждой от грехов
Найдёшь; —

Не разрушай.
Не знать о том, что не взимаешь.

Такое мне тут враз ко Дню пришло
От той планеты, темнотою что,
Вселенский Разум, от меня скрываешь...⁴⁹

(23.05.2015 – 02.06.2015; дача под С. Посадом)

Когда научимся мы сны творить (Из Посланий к Сыну и Его Веку)

/Навеянное идеями научн. дивайнизма⁵⁰,

⁴⁹ AFTERWORDS: Мир с доброй скромностью отметил 750-летие Данте на нашей Земле. (Разве ли потому, что Гений одного из ревностных смыслов поместил Магомета в 8-й Круг Ада, в 8-й его Ров?) ...Космическое путешествие, космическая одиссея Данте продолжается, и мысль, запечатлённая в частицах света, – а это именно так, коль вы не знаете, что даже отражённый планетарный свет, становясь, после, частью Великого магнитного Поля и Цикла, относясь в глубины мироздания, несёт в себе некую долю информации, запечатлённой в истории жизни, и жизни по каждому из нас: в видах, в кодах их, в образах, – мысль Данте продолжает стремиться к самым далёким уголкам Вселенского миропространства. – Удивительно к сему Дню было, вот, что: Я неожиданно подметил, что 750 лет – это, соответственно, 750 световых лет; – на таком расстоянии от нас находится самая тёмная планета в известной Вселенной: – феноменально-открытое в 2011г., TrES2b, гигантское, по размеру равное нашему Юпитеру, космическое тело, чудовищной жары и чудовищной тьмы; в сравнение Земле, только лишь одна миллионная доля отражённого света исходит поверхности этого редчайшего космического гиганта, каковой также, подобно нашей Луне, имеет только одну светлую сторону, т.е. обращён лишь одной стороной к Звезде, а об обратной стороне сего, мы вряд ли можем знать; – «тёмная сторона Тьмы» (о каковой «тьме» астрономы сообщают, что, в своём мареве, она имеет несколько красный оттенок, и о самой природе каковой им до сих пор совершенно ничего не известно) – так, родился мой первый поэтический образ в представлении обо всём таком явлении. – Тогда, как свет с Земли, от рождения Данте, вероятно, достиг, пусть лишь и в частицах, тёмных ровов TrES2b, Я очевидно постигаю здесь путь обратный света к нашей Земле; – в произведении, Я всё же именую его «сыном звёздного луча»: – это и есть мой Актисион (на др. Греч.). Любопытно здесь то, что сам Данте, по преданиям, принадлежал к давней патрицианской фамилии Елисеев в Древней Римской Империи, а иначе Элисеев; «элисис» же на др. Греч. прямо означает «солнечный свет». Потому в выборе имени для «сына луча» (правда, в более прав. транскрипции, Я должен бы был использовать значение «луча отражённого света», и это было бы иное имя, кое, к тому же, очень нелегко рифмуется) Я не был изначально столь определён, и метался между двумя именами – Актисион или Элисион; однако, в наиболее верном представлении, Я всё же обращён мыслью к Актисиону. Всё остальное, что из образов в моём произведении, есть от образов, обретаемых в чтении «Божественной Комедии», каковое творение Я искренне выделяю из ряда многих ему последовавших и сообщённых. – Я также предполагаю чуть продолжить сие произведение впоследствии, дабы именно попытаться выразить те самые качества «лучших грёз в худших видах»: т.е., такое, вообще, к теме «Земные правды. Девять кругов реабилитированных грёз.» (по смыслу: – сколько типов грёз нам присущи? и что сие?).

⁵⁰ В кратком предсловии обозначив такое понятие, как дивайнизм (divine, divinism, на Англ.), Я фундаментально выражаю здесь такую идею Богочеловечества, что как тенденция имеет место и в концепциях трансгуманистов и имморталистов современности; Я же отсель именую это в целом как дивайнизм, следуя в том философским

*био и психо инж-рии, а, также, недавней
поэтич. полемикой с Вл. Микушевичем /*

Когда научимся мы сами сны творить,
Уж боле шизофреником не назовёт
Никто Художника, кто сонно грезит цвет:
Пурпурный, бриллиантовый, из роз, из слёз,
Или из радужных воздушных листьев; грёз,
Не будет пагубы уж более средь нас;
Не будет усомнен в себе ни Слух, ни Глаз —
Исчезнет сожаление о Веке с мнимой кистью;
И чувственного Солнца блики Жизни-нить
Сокрасят враз меж нами, не оставаться
Чтоб в убитых зеркалами, не показаться
Чтоб друг другу в страхе верить, знать, любить,
И чтобы не забыть, куда как возвращаться;
Не станут от себя столь отвращаться,
Когда научимся мы сами сны творить.

(04.06.2014 – 06.06.2015; Дача под С. Посадам)

Нагорный Кельт Кельтская Нагорная Проповедь

*/ За чтением и переводом
Этимологических трудов Дж. Келланда /*

Слепой способен ли вести слепого?
И будет ли то – мёртвый день,
Иль будет в спор там светотень?...
Но смотрят, слушают они и снова.

Неразвиты. С вершины вздоха, в слоге
Сошед к ним так, Число иль Суд
Им выйдет в принцип, или плут
Скрадёт глаза их, ко проклятью многих?

Недопостигнутые элементы зренья...
Где атом взора – светлый луч,
Но дум исходит словно туч; —
Что разрешит их ревностны сомненья?

Смахнёшь ли тень в глазах, что зрят по Слову? —

представлениям ещё платоновым и до-платоновым, в направлении коей мысли неотступно стремится всякая цивилизация Знания и Прогресса во всякую свою эпоху, и коя о том, что Человек, в принципе, в своём развитии, стремится к изобретательному открытию по себе всё более божественных способностей и перспектив применения своего созидательного таланта. – Кстати, о том, чтоб научиться конструировать сны, совр. учёные давно помышляют и не перестают заниматься своими заповедными исследованиями.

Соринка ль разве под рукой?
Бревну в глазу твоём, друг мой,
Подобно всё, что ищет в сорном зова.

Яви уму свет-взора, тень что видит!
В Субботу Солнцедня, пусть он
Тот Дивов воспоёт Закон,
Судьбу что не стемнит и не обидит.

...Тень ускользает, точно сон;
К Злат-Посоху Времён Судьба в свет *идет*.

(17.06.2015 – 27.06.2015)

Дача под С. Посадам)

Стираются в пыль города

Стираются в пыль тропы, города,
И памяти реликтам прочат срок;
Сожжённые вновь грабят архивы,
И бессвидетельно больны года,
По дипломатам Зла где мёртв упрёк,
И эталоны где границ столь лживы;

Стираются понятия от дня,
Как кодекс права в прежних формулярах;
Величию не быть уж в тех томах,
Вчера что мир свершили под себя,
А ныне в политических экземплярах,
Как рваные полотна в грусть-тонах.

Религии; теории наук;
Черты народов; календарь правлений; —
Вандал смешает всё, что ищет вех;
Дилеммы континентов, войн, мой друг,
Во свете всех безверных настроений,
С издёвкой где мир арбитраует смех.

«Так что же остаётся?» — молвят те, —
И дарят савану плач по культуре,
В примерах не восстановленных черт;
И лишь протофилолог-жизнь, во тьме,
В корпеньях, *раз*нит, по своей текстуре,
Исповеданья лет на нечет-чет.

(11.09.2015 – 19.09.2015; дача)

На заклание жертвенных животных

Их убивают в тысячном числе,
Взрощённых для любви потомств,
Тех, коим названными быть в благих,
Кого равняют с жизнью сродств; не в зле,
В рёв, убивают сих во грусть-очах
И в девственных их силах средь живых;
В речах священных, к радостям семьи,
Их убивают, чад волшебных; дни
Бегут вперёд в страх ног покорных их,
Они не прекословны, не молебны;
Они идут податливо, чисты
Их кудри, взгляды преисполнены
Волнительной души, – другая ль есть? —
И не явлены оним Царств мира,
В плач солнца, проча леств по все пиры,
Возносят нож над ними, в божью честь.

(Нач. в 1й день Курбан Байран – 04.10.2015; дача)

Нечто в тонах Ходасевича

Одиноко бродит котофей,
И впадаю, глядя на него, Я в сказки;
В этой межсезонной вертопляске,
Растерял Я, кажется, друзей.

Обречённо скромн павший лист;
Всё же хорошо, что нет Иуды;
В этой жизни, где одни паскуды,
Ты любви сердечной берегись.

Так, пойду тропой своих аллей;
Как шуршит! в эскизах – странны рожи,
До чего ж они на всех... всех тех похожи;
День – что белка в сумраке елей.

(24.10.2015 – 31.10.2015, дача)

Из Цикла «Адская Поэма Пушкина, или Acte de Foi⁵¹» (Фантазии по мотивам рисунков Александра Сергеевича.)

Из поэтических экстрактов,
В дополнение
К книге автора сего, «The Secrets of Mdm Breuss».

Эскиз I.

Откуда ж жизни быть в жаровне [1], бес?
Иль кораблю [2], когда, вдруг кануть в твердь?
А дым [3] ли – зеркало есть? – чтобы глядеть
В него, как во чужую будто б смерть,
Но видеть лишь свою печаль и боль...
Да ты поэт, бес! – Ему ж возможно весть,
Оттоль, весь мир к Трагедии чудес,
Так, будь он Доктор Фауст-Брюс⁵²: изволь: —
Сидеть чтоб у камина, как в тюрьме [4],
В свидетелях коварств и странствий всех,
Опасный пользуя эксперимент,
Как в страх скиталец, брошенный на брег
Слепой волною, зрить там пред собою
Всё то, что в судьбах пало под запрет...
Свет скрасит ли его удел? Чредою
Тёмных [5] чувств, слова прихлынут в мозг,
Как острова [6] в мерцаньи среди звёзд [7],
Туман где пел над гладью тёмных вод; —
О, дальний образ. Вот! Уже летят:
Видения – в ту бездну бытия,
Где Бес и Муза [8] свой справляют бал;
Вздывается в высь Белая Гора [9],

⁵¹ [Acte de] Foi – этот намёк на разгадку тайны Пушкинских рисунков, в особенной определённости, относится уже к Рис. II (из ориг. Собр.), как то, что составляется в образах Большой Виселицы, Колеса (также, возможно, со вписанными в него знаками) и пр. смутными символами, сложенными в ряд. – «Foi», на Французском, означает «Вера»; и, настолько, насколько Рис. II, в большей степени, изображает собой именно поступок, – отсюда и более подходящее «acte de foi» (поступок веры, по вере), весьма распространённое в выражении, и, подчас, приватно олицетворяющее всевозможные умопомрачительные абсурды и крайности человеческого поведения (в героической, а когда – в сатирической решимости действ. лица). – Также, к иным из возможных ассоциаций, найдётся другое выражение: «profession de foi», т.е., скорее, «образ, или символ веры», что, в нашем контексте, прямо указывает на символы Суда, – кое иже выражение, этимологически, часто относилось, смыслом, как ни странно, инквизиции.

⁵² Jacob Daniel Bruce, сиятельный граф Яков Вилимович Брюс, сподвижник и перво-соратник Петра Великого, издавна считался в России за чернокожишника и колдуна, кого не редко сравнивали с самим Фаустом (да и то верно, что в библиотеке его был первый манускрипт сочинений самого Доктора Фауста, в оригинале). Пушкин неоднократно упоминал личность Брюса в своих сочинениях, на то время, из живых наследников Шотландского клана баронов Брюсов в России, зная (должно быть, весьма смутно, в сравнение мужу её, кого нередко встречал в салонах) единственную лишь внучку его, графиню Екатерину Яковлевну Мусину-Пушкину-Брюс, о чём – в моей книге. – В аллегорическом выражении «Трагедия чудес», вы, конечно, не озадачите себя излишними гаданиями, должно быть, этак, сразу найдясь вспомнить о драме Гёте «Фауст», что имела редкое влияние на Русского поэта.

И *ведьмин* [10] рой, кой Байрон⁵³ не воспевал,
Игрой заходится; и фабула
Где, во признаньях и грехах, как вор,
Как тот вампир, по *ступеням* [11] до злат
Кто в ночь крадётся, путь забыв обрат,
Взойдя, в обличьи ж новом узнаётся,
Навеки утерав себя; – и взгляд,
Один лишь только взгляд в пространство,
Оставленное за завесой зла. —
Сгорает красная зола; до дна
Испит в *бутыли* [12] горький эликсир,
Да не Всесильным был он, – плут-визирь
Из Ада лгал вам⁵⁴; – вина лишь капли
Лились по губам, не знавшим Рая
Обладанья поднебесным Счастьем.
Она! [13] ... Ах! Ты же – не учёный, бес, —
Тень окаянных грёз; в тщете сих слёз,
Аль сплaviшь *шторы* [14] в вечности огня
Пытанных душ?... В Аду, неужто утро?...

04.11.2015 – 22.11.2015; дача под С. Посадом.

*** **

ЗАМЕЧАНИЕ к фрагментам интерпретации Рисунка: – отдельными цифрами [*] к слову, в Поэме, означен каждый предмет или черта, имеющие место быть в канве оригинального рисунка А. С. Пушкина; ниже, в Дополнениях⁵⁵, это объясняется мною более подробно и детализировано.

⁵³ Лорд Байрон, как известно, касался тем и вампиров, и ведьм; в особенном обозрении Пушкина представляла драма «Манфред», с явлением в ней ведьмовства, сходного тому, что у Гёте, написана которая была в 1816/17гг., как ни странно, в то же, почти-что, время, что и легендарно-изустный рассказ «Вампир» (1816), прямое сходство с которым – у Пушкина в его «...Домик'e на Васильевском»; любопытно, что в оное время сочинения, в 1816 г., Байрон, Шелли и Полидори находились в Швейцарии, близ горы Монт-Бланк (Белой Горы, по-русски), где неподалёку жила на своей вилле вышеупомянутая гр. Е. Я. Мусина-Пушкина-Брюс (см., «The Secrets of Mdm Bruce»). Не то, чтобы Я сравниваю Монт-Бланк, столь однозначно, с Горой Лысой, как то, что имеет место у критика Цявловской, этимологически связующей ведьм на мётлах с «местом ведьмина слёта», но в рисунке сем, таки Я различаю некие соответствия визуально-горнему смыслу в «белом свете» поэтического абриса, в одухотворённо-высоком, романтическом свете, что и не могу не отметить.

⁵⁴ В сим месте, Я не то, чтобы всецело обращаюсь к известному смыслу конца трагедии Гёте, но, при всём этаким, Я, также, в параллелях позволяю себе намекнуть на факт биографического конца Русского Фауста – Брюса, кто, по историческим слухам, занимаясь алхимическим опытом, пробуя изготовить Эликсир Бессмертия, увы, летально ошибся в своём эксперименте. (Это – самое простецки-объяснённое изложение всех нюансов его смерти, рассказывать о коих подробно вышло бы слишком утомительным на этих страницах; – оное всё, опять-таки в моей книге.) – Вы спросите о *бутыли*? – отвечаю: – нет, не столько опережая хронологический ход развития сюжета в последующих изображениях на Пушкинских рисунках, Я это, дескать, будто б измыслил; – сам по себе предмет «*бутыли*» мною усматривается именно на Рис.1, и, как мне кажется, половина её видна прямо под бесовым хвостом; по крайней мере, этакое мне сообщает моё художественно-поэтическое чувство.

⁵⁵ См. стр. 197

Из Сборника «English Verses»⁵⁶

Child of Human Ages

/To my dear son Daniel Wolanski/

Why 'tis so, that the child loves to hear the singings,
Child in the age of one-day?
Why 'tis so, this animal likes to listen the stories,
Yet never stepped in the age of the Brain?
Not in the age of the Theatre, he makes all grimases,
Never learnt there laughter or fright;
He plays eyes, such, as if he's in the age of Truth even;
And, far from the age of the Judge, he cries.

Never felt yet in the age of the Doubt there,
He gives himself to the looks of all-leaned heads;
Why 'tis so? – Not in the age of Revenge yet,
This babe waves against the lie of false breaths.

Look, not in the age of all-tormented Passion,
He pulls his arms into invisible Far Space;
And, yet ne'er reached the age of Wisdom or Fashion,
This being wins upon Sadness with one even gaze.

He heeds to... As if in the age of New Legend...
Dear friend, don't you know, where this nostalgia from?
An infant can't see, but awakes to new sights and the senses,
So irrevitably lives in us, through each age, in each form...

(03.01.2011; Moscow)

The Magnetism of Poesy

Truth: is that in the sudden thought,
That life goes earthly by?
I rather dream that poesy
Is magnetism attracts tomorrow's light.

(06.08.2013 – dacha)

⁵⁶ Авторские подстрочные переводы вещей из этого сборника Английских текстов публикуются в разделе Дополнений, см. стр. 207.

On the theme philosophical, me-called the Funeral of War⁵⁷ Socratic poem

1.

A strangest ghost a witness of the me, —
Prophetic, – from the spheres of deadly peace
Arose right front of my spontaneous gaze; —
The things 'bout passed war were in his words;
«How shall we bury it?» – he've asked, and I
Felt in the certain pause, and I saw
The vision of unquiet macrocosm.

«How shall we bury it? Should be there tomb?
Should be that sad? – I read your thinker mood; —
Cause it is, firstly, sad to realize
What sort of groan it brings to resolute
Its memory to-come.» – «Thought to foregone.» —
«That's it: we've got to bury it. Although,
The joy of making it, deliberate joy,
Like common ease, could morally confuse
That half of world of citizens, whose pride
Relates to all the dear facts of noble loss; —
*Th'unsatisfied dramaticism oppose
To the unseriousity frivolous,
And that's... to-war?»* – „Suppose, to count on both
Effects will do the whole of worldly truth...» —
«Like in the time of gladiators' youth?» —
«Oh, no!» – «Although 'twas the performance
Of the pra-ethos of no-foe. Their battles,
Staged, were to express quite certain morals:
Rome used to give to History a chance
To rehabilitate in looser a victor.» —
«But that is rather to celebrity —
Not to the all-repose – of War!» – «Time's gone?» —
«Ukrain you've mentioned, the modernity

⁵⁷ The idea of this theme, startlingly, appeared as a kind of poetic response to that message of Peace, which stays forever kept for us within the works of a noble (and most perspicacious, this way) English poet P.B.Shelley. Nothing can be more provocative and more agitating for his intellectual reader, – and that's, to say, to all the further thinking upon this sort of truths, questions and possibly practical answers, – than that laconic wisdom, expressed, for ex., in his upper cosmopolitan «Gella», like that in the wisest words of his Ahasuerus, talking on final «mutability» of Humane, or that in the last two strophes of the Chorus, by the end of the poem, where: «The world is weary of its past, Oh might it die or rest at last!» ...At least, any rationalist, who will take this theme seriously, by means of bringing it closer to the proper philosophical matters, or, rather to say, to the proper philosophical way of thinking, could never escape that very naturally rising question, which, after all the romantic desires and wishes, simply, is the question of all the mature, unabstractive «how's». The allegory, (highly-human allegory, hurray!), much deserves and, therefore, has to be improved, unveiled in things and actions; – in thinking that of how tragically, still, the whole modern world and its society is rapt by all «syndromes of the post-war egotisms», of how much, still, the ethical attitude to celebrating the End of Conflict yet performs but the potential willingness to start the new one, then, I was, especially, consciously driven to develop this theme, rather, in the manner of proper objectivization and dis-chimerization; and that is how, even against all the Plato's warnings for inexorable escaping of dealing with poesy in philosophy, this particular product of my thought and vision was, finally, created.

Of «public claw» by that?» – «What we don't want.» —
 And, as I stayed quite dumb; – he: – «Not we want
 To think the War; we bury it. Our war
 Is over, there's no other war.» – «At all?» —
 «For you to get: the War is not discrete; —
 Its being is of the matters different?
 Me-think, its constitution is permanent.
 And what we bury here had its proud end.» —
 Well, «Yes» I said. – «So, what we've meant,
That must be like, what foe thinks as friend,
Cause, not a foe any more, refused
He've been to bear the woe.» – «And what is it?» —
 «Compare to th' ended, «twill have no end.» – «Weird...» —
 «Yes, «tmust be like what... CAn be repeated,
 Each time with freer memory replayed.» —
 «GOOD memory?...» – «Thought smiles, well-comprehend!
 New memory of The War-Burial event.» —
 «If that... *mysterious festivity*
Like Carny greatly-mad supposed to be,
 Then only thought «bout it is of the...
 Mystery,...the secret there,...very thing
 Within the Theme, – you understand?“ – „Indeed
 That must inherit the Competity
 As part of freeing Act, and all the Art,
 All sort of, suiting to fair Ritual...» —
 «Undoubtedly. *And, so, the question still:*
What is that main... intrigue, the Carny's riddle,
Point of the Mystery? As you can see,
 Just «on the usual wing», like that in Spain⁵⁸,
 With't secret motive, it will be quite vain, —
 I mean, vain for the Whole-War's burial theme.» —
 «If you can tell me just one thing», – he said, —
 Though it was shining our words between:
 Please, can we ever tell, on thousand percent,
 On newer way of thought, *who is «the friend»*
And who's foe-nO-more... of the End», you know?» —
 «No. We can't tell this... from the start, at least.» —
 «Oh, thinker's bliss! The question th'answer is.
That's first of secrets – who for whom there is.» —
 His face expressed quite a unique grimace.
 And like that would've been the Light bless us
 To play a conversation more like fun,
 The irony in words has come, and things.
 «Your Fonomore!» – I laughed, – child of the dreams,
 Exclusively created son by clever word
 Of lingua-hooligan, done just like this!
 Out of your ghostly head!“ – „Feast jealous?

⁵⁸ *The foolish characters of moors, – time ago, the bloodiest foes, – are the part of Spanish carnival of Today.*

Zealous dead?“ – „Fantastic personage’s that!
 To imagine, he’s out of the dark;
 Miraculous cloak all covers him; —
 Surrounded by others, harlequins
 And fools, and many a beings unseen,
 He moves like psychedelic king, and hymns...» —
 «The harmless See of Sin... But listen; see...» —
 Ghost looked at me, – «those funny fools you mean; —
What are «the fools»? Are they as same, as him?
 Or they appeared all from gnostic womb
 Of the Unfathomable Lot’s magazine,
 With very news of that the War we think
 Existed on this Earth yet have ne’er been?
 What a Jew Shestov⁵⁹ could «ve dream’ngly seen,
 Or like that Mister Happy History —
 «No-Holocaust-no-Auschwitz» Doc⁶⁰ – brings
 Loud as the facts against the hissed story
 Of the «gas times» limitlessly horrid,
 As if true Nazis’ records was a joke:
 No hair, no bones no kameras, no films;
 There was no Human shock, but just a dream!
 That schism changed Peace of Clock – a childish dream,
 No more than just a little spoilt seemed...“ – „The flock
 Of thoughts...“ – I’ve took a lead, – „No, we can’t do
 So that the things, we look at, *will* be like...
 Oh, no. We do we bury th’ended War;
 If that’s a pseudo type, the End we’ve thought
 Should be... alas!...’twill be like... the War start!
 The fools are..., though But-the-But gigged their times...» —
 ...«Just look: *to be «no more the foes»*, – ghost smiled; —
 «*They’re not „the friends“ yet*, is’t all right? And so...» —
 «The some could really be the „Endsome foe“...» —
 «Or called as «th’endful» as one full of End;
 The End-fool foe – great! a name suites one at all!» —
 «What if that’s Mr War Crime out of manhole?» —
 I felt, I can’t provoke not. – «Kindly joke.» —
 He answered. – «Well, it can be so; fear’s choked.
 Let him be dressed all, let him swing and walk,
 And let the mystery works: – where’s his friend?
 Has he a friend? Though, there must be «the friends»,
 But does he know them? Or do they know him?
 In fact, *that’s, mostly, up to role of fools*

⁵⁹ Russian philosopher Leo Shestov. (1866 – 1938) In his works, especially in his book «Athens and Jerusalem», once again in the history of philosophical thought, nihilistically, he tried to argue for that very unpopular idea, which tells us that «Socratus was never poisoned» – the thought unbearable for the most of philosophers of Logos.

⁶⁰ The image «Doc», me-used in these lines, do not characterize especially the one only person; however, from the big group of so-called «Holocaust deniers», the names of D. Hoggan, A.J. Mayer and other writers, especially those who address their thoughts to authority of professorships in the world of fundamental sciences, are darken-starred, still we think, simply as the names of anti-deductivists in the history.

*To be a sort of messengers within
The Project. And, even though I would see
In light of my own logic that example
Of the last be better idol not alive,
But anyway, in general, fool's task, —
To that we find them being of foe type, —
To act that way «the friends» could be found right.
Dilemma is: who's first to witness there
For the other's side?" — he wisely sighed. — „Wild
Is the sight in games of doubling mind; — dim
Is the truth of darker dream for unforeseen...
What have you done to my thought blind? Me-seem,
It's getting to absorb...» — «The vanity?» —
Good joke! «twas a ghost's singing. (Clarity,
Oh, clarity! Fool is your reality!)
...«Exotic dispute we are bringing thus; —
Yes, «tmakes me wonder — clever words of yours: —
To do that th' «Carny's eidos»⁶¹ will be just,
(What should be the War's Funeral, repose,)
To do so we should humanize the pride
In fool, the foe's pride, but in the name of...» —
«All the good, you're right. Is there any doubt?» —
He asked critically. — «A doubt... Is any
There as such, socratically, the thing «bout,
Like that thought, like that of... Mister Hitler,
Gorgeously who could be seen a figure
Of World Pacifism, main antifascist,
Consciously who bury all-war passions,
Full of anti-dominativism, love?» —
...«In Haides we, the ghosts, heard from above
Once there came to us titanic melos
And voice of hippyistic hooligan
Sang: — «Twenty first century schitzoid man.»⁶²
I felt he's rather teasing me. — «No, please,
Tell seriously. I know, it's a fun
For you to make the earthly jokes on me
Full of the crying logic for so done,
But...» — „What higher-strophically been mentioned,
All should be. No aught of different we
Pointed here than that... he's «a fool», agree?» —
«A fool a being free... Mad thought's dimension...
Lucky we, that whole our Great Carny
Not by the only fools there filled will be!» —
«Exactly! How wise to see: more foe's he
Like — more fool he's carnyshly.» — „Already,
What the images here comes to me! To be*

⁶¹ «Eidos» — «idea» (in old Greek).

⁶² All you must have known that very popular rock-song from the end of 60's, played by King Crimson the band, with P.Sinfield's lyric.

For not to be – strange there Lenin, Stalin,
 Utopically all-surprising... The key,
 However... Key! to notions were rising —
 What's that meaning? *Such the «humanizing»,*
We've discussed, what really do in practice?» —
 Him I asked. – «The grave.» – He shortly answered.
 (Oh, Man's thought – Th'Imaginary's dancer!)
 «No need of the reasking glance. You've got:
The Carny's purport is to bury «known-what»;
 That's how «the grave». Do you remember not
 What was the dispute start?"... And then I've heard
 Again that «of the tomb» inside my mind,
 («Should be there tomb?»⁶³...) and once again of that
 What «sad way off» could be the joyous laugh.
 «However, I find now it's enough
 Of talking for tonight; we'll do next time.» —
 «Where're you going?» – Me-seen, he moved back.
 «Wine ist too earthly luck. Before the dark,
 I'm going to have cicuta⁶⁴ now —
 The drink all-philosophiest! Your wow!» —
 No! He lifted up his nowhere-from cup,
 And, smiling sage, he «haddlle»⁶⁵ in one gulp,
 And, like that in the strange cartoon, turned green,
 Turned blue then, and so soon all-disappeared.

All, so spontaneously!... No, I wasn't feared
 Neither I was satisfied; timelessly,
 Seem, a last question of the Theme we've tried,
 Was keeping alchemize my loaded mind,
 And the effect was felt like limbo thought
 Grotesquely-dissolved in mount of sights
 Of all subsequently awaken fancies.
 It was all coming up from stranger words
 Made wilder dancing of the scene-to-world.
 The Provocation how fast was rising
 From the back-imagined talk. ... That "bout tomb»,
 That "bout dead», that "bout doom and light»; —
 As if these Two, sane-eyed, sat there, side to side,
 At their philosophic table of the Time,
 Whilst all around, full of common cries
 From yet tonight, the witnesses of our insight,

⁶³ See the line 8—9.

⁶⁴ The poison of water hemlock (*Cicuta Verosa*) was the favorite type of the human-killing poisons before the era of modern cyanide (potassium cyanide) was started. As you all well know, Socratus was cruelly served with it in his prison...

⁶⁵ This word «haddlle» simply came out as a product of mixing apostrophic spelling between the words: «had-it-all» = «haddlle». Not that I mentioned a figure of ghost could ever be as like that vulgarly person from commonhood, who after the certain «cup of safety & relaxation», in the certain moment and in the certain manner, would have cry: – «Oh! It's just a haddlle-waddle!»; – whether, me-think, this new-made word quite ironically points the character of action and the used jester closely to alive context of here-described situation within the poem.

Beings too-voluntarous, rose to unite
And all got closer, and acted there blind,
And some were just to fight then. All images,
All characters to find... Dude Fonomore,
With others, fans of End, Satirehood, and...
Madder-looking creature broke the hand, then,
Of the Dead Wall's Clock, and picture changed all.
And all, so suddenly, went to behold:
Oh, that was news unique! that opened wide,
That newly-viewed field there was; – that hugely...
Laid all o'er there... corpse. Bigger than house.
Much bigger than the airplane or gardens
Some, – the Corpse of War, dread on the sun.
And 'twas all full of moving...! life, not life, —
What could I call it like? The crawls, all sounds,
Those all expressions, parasitic mess,
All from inside came out; – ants not ants,
Not so the worms, but looked like flags and guns,
In tones and tints, materialized moods
Of things in shape, in shade, dead sentiments.

...The threats of vision stopped, view lost its ends
Dissolved in shouts for the needed Grave
That time, when my stressed psyche invoked again
Back to my consciousness, that for me then
To be a here-man. And here I am. – Think,
Else, what I can say is that, when my old mind,
Impressed a lot, went wondering alone
Of that if ever could be right to grow
Our seductive «Carny's theme» at all, —
If e'er we'd find a way to bury doubts
(Oh, what a wisest thought!) «*bout Death of War*,
So it can't rise again, per rotten chance; —
To this, I felt, however, but a nerve
Of Human inspiration, – dreaming then
Of sage and dispute to be back again.

(08.05.2014, Moscow —
01.08.2014, dacha
by S. Posad)

The Red Wood

The sun of this Spring awoke me,
With the Voice from the Sleep it rose,
From the Doubt of Thought, it took me
Into world, where the Red Truth grows.

«How often you've had the Red Day?» —
That mystery teller have led; —
«The word to be fair on your eye-way,
By magus the Nature be spread.»

Dumb, I have stepped into wood mine;
How felt I to see that all new:
The birches not white! – the red line
Mystify the strange poetic view.

How could've that happen, oh, tell me? —
Is't a sign of Red Horse? Skye cries?⁶⁶
Like the shades, blood with o'erwhelming,
Those Life's witnesses stands and sighs.

Human mind – fatalist-dreamer!
All the fancies in time, behold,
Paints the things – fairer to grimmer, —
All embodied in real world.

No image stays off-the-Matter,
Not a map that poein⁶⁷, but Life;
On this border, the Fate ne'er flatter
With that Polis can use for strife.

Voice had gone... I felt quite awkward.
These red stems, kind of prophecy...
Yet I've dreamt, what if some Ode-word,
Incarnated, its author could see.

(12.05.2014 – 20.05.2014
dacha, by Sergiev Posad)

Nike and Her Head

Oh, Νίκη! Time though did beheaded you; —
They dies, day new, to break one of your wings: —
«Who's right? who won the Woe-War?»... Not Marce;
And none is to survive in slaves of his...

Who is to win upon th'Achiles' anarchism?⁶⁸
The Heaven's laissez-fair star-gaze in grass...

⁶⁶ Red Horse – apocalyptic image from Matth. 6: 4;

⁶⁷ The proverb «poein» [to poeticize] in old Greek means «to create».

⁶⁸ In this verse, I'd like to remind you that of why Achilles, a bloodiest hero, is the only personage, amongst all of his friends the Athenians, who was honored to be placed on the Egean Islands, after his death: if you remember, he's a one, never looking for the War and the fighting, right from the start; a peacefulest athletic character a nymphan, unlikely to all others, he had no purport and no desire to war at all, surely nor like Menelai the revenger, neither like Odysseus the profit searcher; Achilles the Marmedonian King kept the policy of neutralism on his Islands, and this kind of blissfulness I've mentioned to be a part of me-versed vision of a noble Aegenean of his past and his future, both.

But barbar is that not, who goes so far
To ask the Stix 'gainst Islands' neutralism? —

Th'Eagean grasp? – Hell looking for, you are
A little plebe with giant sword, calling for Death!
Hell do perverse not the 'light of Lucifer,
Where free from cares a Victor drink Love's breath.

Where little winged goddess' skye head
Wedds thoughts of Poet and Atlet for strength.⁶⁹

*(24.04.2015 – 06.05.2015;
dacha by S. Posad)*

The Meditative

*/To Olga Barre,
On her very Day,
Also to that thought of hers for
The 100th Birthday of Don Juan Mattus./*

What the bird could hear
Time, when the space go asleep,
No one to prevail they knew.

No soul done to dream insincere.

No sky can escape that of thought
To be near
To the eye of grace new.

The sigh is the heart's atmosphere.

For whate'er the mountains stayed
As the myths with those few,
The sea-birth hymns the light over there:

Joy ancient and Earth for you.

*(07.09.2014 – 12.09.2014
dacha by S. Posad)*

If Poetry was Music

If Poetry was Music, – what, mostly, is, —

⁶⁹ "...And he felt in love with the mind of Patrocles"; – Pindar is the first, who emphasized this sort of ideal truth, by looking into the aspects of healthy men's friendship with the clean, unpervert eye, yet before Aristotle explained it so in his treatises.

I'd rather be a voice, that of the melos
Plays beyond the Tacts, that of the lyric
Freer than forebound words of textured song,
Like a strange wonderer, ne'er care if right or wrong
Half-slept Composer planned it be, for world
Could learn its inner history; and that of stress,
Of hidden breath, of rarest thought in notes unread —
«Twould be a witness of the sacred dialect
For new-found sounds be your own mystery.
A song, sings newborn song, a dreaming dream —
Much I would love it *can* be; – honestly,
I'd dare to mix then a sort of nostalgia
For things unheardable with archi-tenor fancy,
What could be like no energy th'Sky needs to hymn
A Scene of very Soul of the pure Listening.
This glancing Myth! And you in it, you genious
Are the creator of the future bliss, at once:
That inspiration yours brings that what I've brought not:
The orphies⁷⁰ from within you join my pauses,
And it is like the Chance compose that I ne'er heard, —
No falsed, no spoilt, – and this is might be somewhat...
What could be told thus of the sacrifice in notes?⁷¹

*(13.11.2014 – 03.12.2014;
Moscow dacha by S. Posad)*

On the new date in the World Poetic Calendar, which happened to be called The Negative Capability Day

*/To the KSMA friends,
With gratitude to J.K.
For the initiating as such a great idea of the Day./*

Three years later, five years since th'Apocalypse⁷²,
Which never happened, that of what old doubts
Be, still: if really happened so 'twill be not, —
The Beauty, dove-tailed thought⁷³, will disecclipse,
As ever, people's minds from dead uncertainty

⁷⁰ The «orphies» meant to be «the orpheisms» in shorten friendly use of this word, and all of you let never stay doubting then, that, originally, it relates to Orpheus the Archi-poetic Singer and to the thoughts around him and his themes, all Hades-raising.

⁷¹ This last line, here, also was thought to be written as: «What could be told, thus, of the sacrifice of loving note?» However, this second sense is rather more poetically difficult and emotionally complicated.

⁷² The year 2012, as you all might remember, was the expected year of the End of the World, what was promised by Indian Calendar of Maya, so the reader can stay doubting not in those words of a poem; – accordingly, the year 2017 will be the year of 225th Birthday of P.B.Shelley, a big friend of J.Keats, what I suppose is mentioned to be somehow symbolical for all those who reads that poetry with their hearts.

⁷³ This is a beautiful expression of John Keats from his literaturiously-remarkable Letter dated by 21st (22d or 27th, the world still guessing) of December 1817, in which he expressed that original thought of so him-called «Negative Capability», what especially has become a titled idea of the new-brought day in the World Poetic Calendar.

In bounds of its genial transgnostic Art.
New coming Dawn will phrase on that. Redeemed world!
The Biggest Doubter of goodly mankind died
On freest Sunday⁷⁴, and wasn't it for Poet's word,
Who came up'n new time to shake Great Negus⁷⁵ hand,
Soothing no sword, if not in name of th'Unforeseen
All-Love? Unreasonable, called by Air so, Love,
That goes through the bounds of a Life-denial...
Mind, no ugly Trial on this day will be. —
How Mystery of Fate and Time takes Dream Exiled
Back to Light? not samely, as the Beauty ends old history?⁷⁶

(18.12.2014 – 21/22.12.2014;
Moscow dacha by S. Posad)

The Truth of Shelley's Ghost

*/To Lynn Shepherd,
An author of «Treacherous Likeness»,
A book me-read in feeling of irrational, unexplainable regret/*

A Shade – there's the dark echoing: —
«Of a noblest kind!» – slides in,
All silent, pre-materialized.
There can be seen no eyes
Of maid surprised, no scene
Of fatal cries. A monster
Felt from high-poetic stars,
He swam across the sea of Death,
And, after seven lives of storm,
His ugly look how eloquent!
Much peaceful though. The light-rays
Seem are not to aggravate the lines
On his still brow, so 'tis like now
As he tries his light-way back.
Envoked to face the old dream's wrack.
Within the Rumours House, *frank*,
He steps, in corridors of Lie.

⁷⁴ As you may know, in Roman Catholic Calendar, the date of death of St Thomas the Apostle, Thomas «the doubting», as he also used to be called in history, before 1969, was thought to be exactly on 21st of December. In that line, where I've been saying «on Sunday», firstly, I kept my eye on that coincidental truth, that the both days – of the Keats' Letter and The Negative Capability Day 2014 – the Sundays. The rest of supposive guessing here could be of that, if St Thomas himself died, too, on Sunday, however this sort of exact truth for me is still unknown.

⁷⁵ The original Latin root of the words the «negative», «negativism»; to those, who wonder, how really objective I am in using as such a great meaning in the tight context of the poem, I should answer by addressing their quests to the last lines of the Keats' Letter, and so, by reminding them of the very pointed there the «about-Shelley's»; – with that, you can find your own way to analyze the pre-motivation of me-written line of «hand-shake»..

⁷⁶ In fact, there is the second variant of this line: «...not samely, as the Beauty starts new history?» (...its newer history?); – so, let the readers be more enthusiastically creative, in cooperating their own vision with mine, in thinking that, how, and which way, towards the history, the Beauty universally improves itself.

Those specks of crystal life guides
Him to th' rooms of other-side Crime;
With manner of the dead he comes,
In manner of a gone-bye stays
There by the frame of glass —
Infernal entrance. – Sweet diable waits,
Envoker of the burned tails:
Intrigue – pristess of ache'n shame —
She ought to do him welcome.
In her service, that a sacrifice
To make for him, to animate
His vague self. – Abandoned Shade!
Be fed thou by a sacred essence
From the most luxuriant Hell!
And can't thou see these gazing Sins?
Not of the most devoted they
Are seen and bloodsome to be yours?!
Have a liquid life from them, be-shared:
One fear relatives they⁷⁷. —
A sad guest. He sees around her
The sights of lunarcraft there —
Depraved Gossips 'bout a «lost face»
Has their fun, and, 'tlike some Mass on,
The naive and sensitive in their will.
The loves too sweet are to be killed, —
They laughing?... – «Dear murderer,
You gibbet's libertine, kids' knot!
Are you proud not? We yours, yours!»
They're giving their life-drops; phrase;
And as he yet can't tell his Fate,
She pours some magic upon glass; —
There, in Diaboli's circle dark⁷⁸,
O'er the border of reflected Doubt,
He realize... he stands himself,
His awkward figure, and his face,
As if from ashy rhyme arisen,
Alien to them. But what's that shape? —
His ugly look where has gone?!...
He sees in his reflection's eyes,
Would be that Ferro Luxe⁷⁹ from, those sparks
Of starry soul; and no ruined

⁷⁷ Here, in this part of a poem, I'm bringing the drops of archi-Hellenic knowledge about that mystical ritual called the «envoking the shade». Homer, in his «Odyssey», explains it perfectly in the Songs 10—11. There, exactly, are the words about the giving blood to a shade; and that image, symbolically, I've used in my allegoric lines. (As we remember, Shelley himself, too, in his poems, quite often used to send his reader to a sacred meaning of the «blood and blood-sharing», whether it be in social or sexually-mystical context of his poetic works.)

⁷⁸ I'm using the word «diaboli» here in proper Hellenic meaning of it, what means «columny» or, other way too, simply the «judging».

⁷⁹ Luxe Ferro, the «Highest Light», and so Lucifer – as we know, is a name of a brightest star in the Sky, like that for ex. in Ovid, and which now days called simply as the Polar Star. – The Shelley's Ghost was originally picturized in image of a starry-eyed dead. That's how my Shade can see the reflected sparks of starry-light in the eyes of this-side-living Shelley.

Grace, no aught of damned lines
At all – a vision of clean Youth,
Delightful, poetic, but... feared, so.
Feared of (a) doomed self, of diable's call,
Betrayal of the Past?... Reflections
Quite can be confused, when meet they
In the glass of Times their part,
Their lasting life. – That fears...
Though the feared (is) facing Fear leaves;
A silent visitor steps back;
His Future saw its Shade from dark,
And he's to keep the path. And...
Yes,... as like the timeless echo-thought,
The other side of Air there spells, —
Whilst his eyes back to kiss his boat
Far let be flying through the ends
Of the blind dream of Life's Ghost; —
So, he's to hear: – «He's with us... Amongst...»⁸⁰

(25.01.2015 – 03.03.2015;
Moscow dacha by S. Posad)

⁸⁰ P.S. – *This poem far is not the representation or any kind of interpretation of Lynn's fictional scenario with that strangest Shelley's Henry of hers; and my idea, in these lines, was but of a sort of an author's trying to picturize that possibly-objective «tete-a-tete» contact just between a Poet and his famous paranormal Ghost, and so, between the times of them too: between the Poet's time with its past and future, and the Ghost's time with its past and future indeed, closely to our measures; – however, we may know about it, that «twas a sort of result of that mental distortion happened to be in a cause of all the perfidy and calumny, which Shelley, in his life, have always been a victim and an arbitre of, and which was so impressively performed in Lynn Shepherd's inventional book.*

Сердце Поэта Романтическая поэма

*Великой дружбе П.Б.Шелли
И Л. Ханта посвящается...*

К 220-летию со дня рождения Персия...

...Слова о том, что есть всецело дружба, —
О, чувство сокровенное в собратстве
Средь поэтов – чувство, в постоянстве,
Кое в жизни есть сильнее горьких нужд,
Сильнее всех немислимых препятствий; —
И вновь мы говорим, вот уж – сколь часто!
Этакая страсть, – мы можем сравнивать,
Не правда ли, – но мы ль себе готовы лгать?
Самим себе готовы ль лгать об этом?...

Там, где грезой увенчан странствий путь,
Там есть пространство, в коем чудный свет;
Коль вам удастся заглянуть, – среди примет
Сохранного в бальзаме жизни Чувства, —
Ко всем реликтам Знания и Искусства,
Средь атрибутов всех бессмертных лет,
Найдётся для сердец открыта Книга Судеб.
Её глас, в правде славно-пережитых бед,
И явленных красот, вам даст благой совет
О том, что – Блеф и Бред, а что сиих избудет.
В той книге вписаны Души достоинств имена,
Да не изолгана пусть будет Злом она....

*** *** ***

...Я расскажу одну историю для вас,
Что не воспета лирикою Русской:
Ту, издавна какая увлажняет глаз
В Европе всякого певца искусства,
В Поэзии Всемирной что пример
Великий есть великой преданности,
Истинной, всем высшим смыслам,
Некогда что стали жизнью, мыслью
Двух несмиримо-искренних друзей,
Двух гениальных на земле поэтов.
В обоих них живут и бездна Этны,
И девственный, небесных музык свет.

Оплотом уз их стала сверх-идея, —
Страстная мечта, сердцам что вдруг дарит
Все радости преосветленных дней: —
Идея Человека во Вселенной,
Царит кто, как Хозяин знанных мер
Свободы и гармонии, в сим мире,
Природою благословленной Красоты.
Один из двух был другом простоты
Домашней, что в саду, в сени деревьев;
Другой герой наш – в даях, средь камней
Древних городов и стран – друг странствий,
Магии и приключений;... – одною чашей,
Всё же, были напоены души тех:
В Вине Поэзии – их дружбы был успех⁸¹.

То изученье Эллинских писаний,
Что составляло повседневный труд
Студентов всех в системе общих знаний,
Для молодых двух англичан друзей

⁸¹ К началу поэмы, мне хочется заметить, что моей целью в этом произведении нисколько не являлось такое, чтоб изобразить здесь всю истинную биографическую историю отношений между Percy и Leigh (совершенно грамотно, по-русски, было бы здесь писать оное как Лий, или даже Лих; однако, в сравнении мной ново-транскриптируемому имени Персий (Шеллей, как это ещё в 19в), – в чём-то более поход. на Персей, – имя Ханта оставлено в транскрипции, привычной Русскому уху); – главной задачей написания сей поэмы для меня было найтись запечатлеть тот роковой момент спасения сердца Поэта, и именно в таком изнач. ракурсе Я подходил к теме их отношений средь всего круга друзей, и, делая этокое довольно бегло, многие из биограф. нюансов Я просто оставлял за некоей ненужностью или же за чрезмерной, в том, оных импрессивностью, к примеру, как то, что есть факт тюремного заключения Ханта (по полит. вопросам) на 2 года: интелектуал-джентльмен Ли Хант, проведя свой исправительный срок, вернулся обратно к своим делам, оставаясь всё тем же, в принципе, домашним и, во-многом, мягким характером; это – главное в канве сей фрагментарной истории. Иные могли бы возразить на это тоном глубоко-мудрствующего психолога: – так, что, дескать, возможно, если бы Ли не отсидел в тюрьме, он никогда бы не решился на столь радикальный поступок; однако, сами нюансы его отдельной биографии, связанные с пребыванием в заточении и пр., представляются быть настолько исключительными и, прямо сказать, неординарными (как то, к примеру, его привилегированное фортепиано, подаренное ему Байроном, за которым он, так, и скрашивал свои тюремные дни), что это достойно скорее отдельной поэмы, нежели как попытки излишней тематической экстраординации в сим произведении, в котором заблуждать внимание читателя было бы, с точки зрения автора, нежелательно. Пока-что, так.

Сказалось быть душою всех исканий
В обществе, в любви, внутри себя и вокруг.
Интригою затей их и желаний
Вдруг представляли все-разнообразны
Смыслы Пира и Метаморфоз⁸²,
Слова прелестны древних заклинаний⁸³
Фантазию влекли в мир нег и гроз,
В мир нимф и ужасающих чудовищ,
Сокрытых тайн и редкостных сокровищ,
Пантеонических судеб и их чудес;
Значенья, что открывались им, окрест
Преображали заново вид жизни: —
Красавицу, надменный герб иль крест...
То относилось к знаку слав иль тризны
Царства Эллина, поёт чей дух Земля.
(Их знавшие шутили: – Я здесь иль не Я?)

О, да, круг «эмпирических» знакомств рос
Пред оних взглядом: в кругу имён – круг душ;
Когда б поэту было б не отратно
Знать, что глас поэзии признаньем сущ
Себя в других мирах, где не одна тушь
Только, и не одна изофимическая⁸⁴ чушь,
Но, истинно, сердечна увлечённость?!
Так, и романтика, и просвещённость
Выстроили больший пантеон творцов
И умников искусства, и этот свет
Стал светом высших прогрессивных обществ,
И... (well, свет..., в конце концов, то,... «не пусто
Что для Долга-Векселя») да,... все ж, тогда
И литераторы, и демократы
Были тем двоим в друзьях: и Китс, и Байрон,
И все, кто в гениях творил там как-то...

Герои чрез года хранили дружбу.
Нет, ни один не поступал на службу
В должностях и всяких там златых чинах; —
Однако, это было так, что вдруг тогда,
Как Ли (..се имя..) в журнальные дела
Сходил всё больше, с головой, — другой,
Сэр Персий, чьи вокруг мысли деловой

⁸² Труды и Платона, и Овидия входили в Оксфордский курс обучения в то время (нач. 1800х гг); – кстати, существует версия о том, что Шелли за все годы обучения в Оксфорде посетил только одну лекцию, а всё остальное время посвящал самостоятельному изучению книг, так, занимаясь порой по 16 часов в день; как бы то ни было...;

⁸³ «Заклинания есть суть словеса прекрасные» – известное изречение Платона;

⁸⁴ Изофимия (isophymia) – общественное явление, обратное мегалофимии, – утверждающей приоритет само-оценки в людях и имеющей тенденцию к полит. доминированию, – изофимия – означает стремление к равенству и, в футуролог. тенденции своей, сходит к «уржизнотиванию», эффект тотальной секс. Брутализации, в чём, есть вполне закономерен (Ф. Фукайама, 1992);

Тропою никогда не шли, ввязался
В битву с нравом и с авторитет-скамей⁸⁵;
Увы, всё реже час тот появлялся,
Когда б им можно было б вновь гулять
Вдвоём, расслабиться душой, читать так
Бесподобны строки, *и* с тем призывать
Бессмертных духов, и воскресить вновь прах
Истории взроslенья мирозданья,
И постигать в природе состояния
Любви, гармонии и все-симпатий:
В цветах и в облаках, и в... – но, вот уж нет...
Бунтарь всё чаще жил в дорожном платье,
Друг верно в письмах слал ему привет.

О, нет, встречались, безусловно... Оба,
Этак, сочетались, в ходе лет, и браком,
И... в смертях. – Увы, хотите ли, нет —
Но с возрастом, таких, вот, встреч ряд,
Как раз, и означает «час и место»,
Пленяя ум иль мраком, или гимном.
«Фатальность глубины в мгновеньи данном», —
Не правда ли?... Не застрахован от любви,
Не застрахован был и от несчастья.
Не раз уже там, не успев начаться,
Обрывалась вдохновенная судьба;
Ирония зла: Болезнь-случайность и
Самоубийство, – превратность такова
Всегда есть тёмный гид прямой стези
Все-человечного Протагониста, —
Или Попутчик, иль Судья, вердикт свой
Хладно выносящий... Верные друзья,
В ушедших, воспевали противостоящу
Силу Разрушению и Тлену; образ муз
И дивностных богов, созданных ими
Во творениях из жизней чад Земли,
Свободных от земных оков и плена,
Вечно-юных, низлагает всякую измену
Доброму их имени.

... Чрез оны дни,
Персий... вновь женат был, по-утрате, этак⁸⁶, —
Тогда уж умер милый Adonais Китс⁸⁷,
Тогда уж больше становилось травли
В обществе свободного Ума и Слова, —

⁸⁵ *Путь Персия Б. Шелли таков, что в ранние годы своего творчества им был написан ряд политически-социальных памфлетов в адрес несправедливого строя и его короны; позднее, в первой его большой поэме «Королева Маб» эти мысли нашли своё обще-поэтическое воплощение.*

⁸⁶ *Первая жена поэта, Харриетт Уестбрук (1811 – свадьба, ей было только 16 лет) покончила жизнь самоубийством в дек. 1816г, повесившись на одном из деревьев Гайд-Парка в Лондоне;*

⁸⁷ *«Adonais» – одна из изящнейших поэм Шелли из рода элегий; была сочинена на смерть Джона Китса;*

Ли оставался преданным закону
Чистой дружбы, и Рыцаря Мечты он
Всячески пытался защищать, как мог:
В печати, и в кругах язвящих языков; —
Увы, там не одни лишь нужды стали
Основной причиной, чтобы островов
Мир милой Англии покинул друг,
А вскоре, так и прежний круг поэтов,
Тоже, начал разлетаться кто куда;
Иных там приняла Италия.

...Ли,
Исконный лондонец, – еврей в крови
Своей наполовину, всё ж принимал
Тогда, пытался принимать устоя, пусть
И с присущей литератору мечтой
О реформации старого порядка, —
За что сей вслед и поплатился: – с женой
Расстался и до смерти разорился.
Его грусть – тот искомый компромисс,
Какой всей революцией живит здесь
Классицизм, какой встречает атеиста,
Будь то, демониста ль Духа Смерти, но
В объятия... о, нет,...уж не протеста...
(К чему, ведь, шёл и друг уж, в тайне там
От самого себя) ...Этак, когда Ли
Не мог всё ж больше «умирать за номер
Альманаха»⁸⁸, грошом вдали живя
И от любви, чрез страх, и без поддержки, —
Персий, не забыв всю нежну доброту
К нему, тогда смог упросить беднягу
Перебраться к Италийским берегам.
Бесстрашность пред издержкой и отвага —
Истинная дружба... Да, она фатальна...
Рок, видно; – но к солнечным тогда местам
Другой страны, Ли не добрался сразу. —
Как странно: уж к приготовления часу
Как будто б божество не попускало
Встретиться друзьям скорее: – большее
Сделался вдруг Ли, и в жар недугом злым
Его сковало в эти дни; – в то время
Персий сочинял, как раз, свой last шедевр...
Поэты Италийских сфер к сему, Ли,
Кстати, не весьма любили, – дескать, Ли
И устарел, и... Байрон, общий друг их,
Сказать по чести, Персия любивший

⁸⁸ «Индикатор» (*«Indicator»*, 1819—1821) – журнал, выходивший в Лондоне под редакцией Л. Ханта; – «Я чуть было не умер за последний номер» – собственные слова Л. Ханта из его мемуаров;

Сердцем, в отношениях был чуть ревнив,
И это сказывалось в третьих лицах...
Как бы то ни было... Лишь чрез полгода
С лишним, истинным умилием в сердцах
Предстала быть та встреча, что в месяцах,
Последующих ей, обсуждалась вкруг,
Как роковая. – Друзья тогда в слезах
Объятья друг для друга раскрывали.
Как Провидение так устроит:
Здесь Те, кто, чрез боль ожидания,
Чрез испытания разлук, встречаем
Верностию чувств, и вдруг – к последнему
Сердечному прощанию?! Что – мера
Таковому злу?! Когда ли мы узнаем
То, как смертью враз соединяет *всё*,
Что прежде разделяло жизни, а теперь... —
В Одном? – Сколь просит *то* быть средь других?
Сколь сторонится их? И сколь прощает
В том отсутствие самозначения?...
...Все смысло-извлеченья оны, – знает
Бог-Мемуарист, – чрез три недели там,
На много лет, впоследствии, стали
Драматичным следом во кругах судеб
Всех, близких сей истории... – так, когда свет
Утратил бриллиантовых грёз и глаз
Поэта... Боле, вдруг, когда не стало
Персия...

...Великая вод стихия
Приняла к себе, ласканно, сына,
Возлюбленного им воспетой бурей
Чувственнейшей матери Природы. Сей
Верным был ей там «всегда, её любя
Всем существом своим и духом.»⁸⁹ Она,
Взлелеевшая девственные *чувства*
В гения душе, какими он всю жизнь
И жил – любил, творил, страдал и *мыслил*

⁸⁹ Перефразированные строчки из поэмы П.Б.Шелли «Аластор или Дух Одиночества»;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.